

ДАРЬЯ
ПЛЕЩЕЕВА

СТРОСЮЖЕТ

Кнаге потрогал пальцем край холста. Лак схватился. Работу можно было считать завершенной. Теперь следовало все это добро раздать, не перепутав, владельцам. На всех трех "приапах" были словно бы поврежденные временем, но с легким усилием читаемые буквы "EDBCIC". Разумеется, Кнаге ломал голову над их тайным смыслом. Но ничего придумать не мог — кроме, разве что, инициалов дам, памятных старому фон Нейланду своими шалостями под одеялом. Эрна — Доротея — Беата — Цецилия — Ирмагд — еще одна Цецилия...

Число Приапа

Остросюжет

Дарья Плещеева

Число Приапа

«ВЕЧЕ»

2011

Плещеева Д.

Число Приапа / Д. Плещеева — «ВЕЧЕ», 2011 — (Остросюжет)

1658 год. Курляндское герцогство накануне вторжения шведской армии. Барон фон Нейланд решает закопать свои сокровища. Случайно приютив бродячего художника Кнаге, он заказывает картину, которая должна стать ключом к кладу для его дочери, если барон погибнет. Племянник Нейланда, догадываясь о значении картины, заказывает Кнаге копию. И племянница барона – тоже. В наше время все три картины всплывают почти одновременно в рижском салоне антиквара, коллекции бизнесмена и польском провинциальном музее. За ними тут же начинается кровавая охота. Некто, явно хорошо осведомленный о тайне шифра, стремится отсечь возможных конкурентов и завладеть сокровищами!..

© Плещеева Д., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дарья Плещеева

Число Приапа

©Плещеева Д., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Курляндия, 1658 год

Скандал начался за ужином.

Ужин был праздничный – справляли именины молодой фрау Агнессы-Шарлотты-Амалии фон Брейткопф и усадили за стол тридцать человек гостей. Фрау всего лишь полгода назад обвенчалась с Карлом-Готлибом-Иеронимом фон Брейткопф и стала баронессой, а до того была пасторской дочкой; красивой, розовощекой, благонравной, знающей грамоту, домашнее хозяйство и все виды рукоделия, но всего лишь пасторской дочкой.

Барон был уже немолод, нагулялся, желал наследников. Молодую жену он любил даже больше, чем полагается доброму и рассудительному супругу, желал делать ей подарки и всякие приятные сюрпризы. Отсюда и произошел скандал.

Отправившись по делам в Митаву, фон Брейткопф нечаянно привез оттуда долговязого парня, хвалившегося, будто писал портреты по заказу самого герцога. Проверить это барон не мог – герцог Якоб, как всегда, был в отлучке, объезжал свои владения, потому что другого способа содержать их в порядке не знал; двор потащился следом за герцогом; герцогиня Луиза-Шарлотта с детьми, невзирая на тревожную обстановку в герцогстве, уехала в Виндау – на морские купания, пока погода позволяет. Но хозяин корчмы, где жило это сокровище, подтвердил: да, видел своими глазами картину, нарисованную постояльцем, прямо у себя в комнате и малевал, разводя беспорядок и вонь; картина знатная, из древней греческой жизни, с голоногими воинами в пернатых шлемах, куплена доктором Таденау; в герцогском замке на острове живописец тоже бывал. Вот барон и соблазнился. Ему страх как захотелось увековечить кругленькое румяное личико жены и нежную грудь в обрамлении дорогого, лишь по праздникам надеваемого кружева, пока она молода и хороша собой, – пусть будущие дети и внуки любуются. К тому же кольца с рубинами и жемчуга, золотые цепи и изумрудные серьги он ей уже дарил, а вот портрет – портрет был, может, даже более ценным подарком, потому что жемчугов герцогские корабли привозят достаточно, скоро каждый доббельнский сапожник купит дочке ожерелье, а своих художников в Доббельне, увы, нет, разве что забредет странствующий мазила, чья репутация сразу видна по запойной образине.

Парень по имени Мартин-Иероним Кнаге, на пьяницу еще не похожий, был водворен со своими мешками в баронскую усадьбу и две недели по утрам малевал госпожу баронессу, для такого случая надевавшую и лучшую жемчужную нить, и большие серьги, и отороченное мехом коричневое бархатное тяжелое платье – несмотря на жаркий август. Потом он еще неделю возился со своим художеством, что-то там лакируя, поправляя и подчищая. Но когда к завершению ужина лакеи внесли портрет в дорогой, нарочно купленной раме, а барон, встав, с кубком в руке заговорил о своей любви и почтении к супруге, Агнесса-Шарлотта-Амалия вдруг зарыдала.

– Я не такая! – всхлипывала она. – Отчего у меня красный нос?! У меня нет красного носа! Я не смотрю, как ведьма, которая ест маленьких деток!

Разговор о высоком искусстве привел к тому, что портрет, к большой радости гостей, был выдворен из рамы и полетел в окно, а четверть часа спустя имущество мазила выкинули во двор усадьбы с приказом убираться на все четыре стороны.

Чтобы утешить жену, барон сразу же подарил ей браслеты своей покойной матушки. Этот подарок пришелся по душе – золотые браслеты весили чуть ли не фунт. Гости также его одобрили. И баронская чета решила забыть историю с портретом, как дурной сон.

Но два дня спустя ей пришлось вспомнить о мазиле.

К обеду приехал гость, которого барон ждал давно и принял с распростертыми объятиями. Гостя звали Эберхард-Вильгельм-Фридрих фон Нейланд. Юная баронесса, увидев этого

человека, несколько смутилась – он был стар, но имел лицо и взгляд бывалого покорителя женских сердец, отважного бойца и злоязычного собеседника.

Высокий, худощавый, горбоносый, морщинистый фон Нейланд вдруг показался баронессе куда как привлекательнее пузатого и щекастого супруга. Но – всего лишь на миг.

После обильного обеда бароны уселись в кресла потолковать о былом и о политике. Фон Нейланд имел связи и при курляндском, и при шведском дворе, потому намекнул – этот дивный тихий уголок Курляндии тоже может пострадать от войны, потому что нейтралитет герцога Якоба, того гляди, кончится для него большими неприятностями. Невозможно сохранять нейтралитет, находясь посерединке между воюющими Россией, Польшей и Швецией, причем когда эти страны сцепились меж собой причудливым образом: Россия против Польши и Швеции, Швеция против Польши и России... В один отвратительный день Швеция и сюда введет свои войска – мрачно предрек фон Нейланд, и день этот наступит очень скоро.

Якоб, которому в октябре должно было исполниться сорок восемь лет, детство провел в Кенигсберге и в Берлине, но с четырнадцати лет жил в Курляндии, при своем дяде герцоге Фридрихе, и считался наследником престола. Образование он получил отменное, стал также хорошим наездником, стрелком и фехтовальщиком.

Когда герцог Фридрих приносил присягу польскому королю Владиславу IV, то двадцатитрехлетний Якоб находился при нем. Король обратил на него благосклонное внимание, и год спустя Якоб повел две роты солдат, а это – семь сотен человек, к Смоленску, где Владислав, который много лет назад не сумел стать русским царем и до сих пор помнил об этом горе, воевал с нынешним московским царем Михаилом Федоровичем. Правда, сразиться с русскими Якобу не пришлось – был заключен мир, и курляндец отправился путешествовать по Европе.

Странствовать по германским княжествам было опасно, шла тридцатилетняя война, но он побывал в Англии и поладил с королем Карлом, съездил в Париж и в Амстердам, потом поспешил в Курляндию. Насмотревшись на европейские гавани, он за свой счет устроил порт Виндау и начал возводить судостроительные верфи. Вскоре престарелый дядюшка Фридрих уступил ему герцогство.

С 1642 года в Курляндии началась новая жизнь. Якоб пробовал все, что могло принести доход. Его агенты налаживали вывоз за границу курляндских товаров – древесины, дегтя, зерна, селитры. Его мастера нашли болотную руду, появились домны в Ангерне, Бушгофе, Нейгуте, Эдене, появился медный завод в Туккуме, стальной завод близ Шрундена. В Курляндии вставляли в окна свое стекло, умывались своим мылом, одевались в свое сукно, даже писали на своей бумаге – одну из бумажных мельниц Якоб поставил в своем любимом Гольдингене, рядом с замком.

Но едва ли не главным товаром стали корабли. В Виндау строили и торговые, и военные суда. Их продавали во Францию и в Англию, а собственный флот герцога был на зависть соседям: более шестидесяти крупных торговых флейтов, сорок четыре военных корабля, их которых иные несли до семидесяти орудий.

Якоб вел переговоры о приобретении заморских колоний, уже успел купить пустынный остров Святого Андрея в устье африканской реки Гамбии и заключил договор с Оливером Кромвелем, чтобы англичане не причиняли вреда его владениям. В Вест-Индии он купил у графа Уоррика остров Тобаго.

И вот теперь маленькое государство, чей стремительный расцвет многим был не по вкусу, оказалось в опасности.

Фон Брейткопф вздыхал, ругался, возмущался, жаловался на расходы. Наконец рассказал про мазилу и портрет.

– А куда ты, братец, его подевал? – спросил фон Нейланд.

– Куда? Йошке! Йошке! – завопил фон Брейткопф. И, когда слуга прибежал, задал вопрос:

– Как милостивый господин изволил приказать, отнесли за старый хлев, положили, прошу прощения у милостивого господина, на большую навозную кучу, – ответил Йошке. – Чтобы сгнил.

– Я так велел? – удивился фон Брейткопф. – Крепко меня разозлил этот бездельник.

– Йошке, прикажи почистить портрет и принести на задний двор, – распорядился фон Нейланд. – Хочу на него посмотреть.

– Да, в покои его тащить незачем, – согласился фон Брейткопф.

Немного погодя баронам было доложено, что неудачный портрет отмыт холодной водой, но почти не пострадал, лежит на травке у стены сарая и готов для созерцания.

– Не творение Рубенса, но для бродячего живописца неплохо, – таков был вердикт фон Нейланда. – А куда он, кстати, подевался, этот твой мазила?

– Йошке! Узнай, куда он поплелся, и доложи, – велел фон Брейткопф. – И в самом деле, куда бы он мог пойти без гроша в кошельке?

– Пусть его приведут сюда.

– Так я же ему не заплатил, как я могу его звать?

Фон Нейланд засмеялся.

– Отыщи его и отведи в корчму, Йошке, вот тебе два шиллинга, пусть пьет пиво и ждет меня. Скажи, чтобы его оставили ночевать и не выпускали – я завтра по дороге домой хочу там с ним встретиться.

– Разве ты не останешься у нас хотя бы на неделю? – спросил фон Брейткопф.

– Я же говорю тебе – время очень сомнительное, пора возвращаться, пока не стряслось беды. А портрет не выбрасывай. Отвези в Митаву – может, найдешь, кто его поправит.

На следующее утро фон Нейланду был подан его экипаж. Бароны распрощались – и более семейство фон Брейткопф к этой истории отношения не имеет.

Фон Нейланд узнал от Йошке, что мазила был обнаружен как раз у ворот корчмы – скорбно пытался торговать там своим имуществом, поношенными туфлями и почти новыми штанами. На кисти, краски, пузырьки с маслом и лаком, огромную палитру, пеналы для кистей, щипцы, которыми натягивают холсты на подрамники, мастихин, мольберт собственного изобретения, со складными ногами, пустые папки из-под рисунков и гравюр, грязный передник и прочее добро в этой глуши покупателя все равно бы не нашлось, а выбирать-то в более просвещенные земли и чем-то питаться по дороге надо. Йошке покормил страдальца и велел ему ждать.

Когда барон вошел в низкое, длинное и темное помещение, Мартин-Иероним Кнаге уныло сидел у окошка и от скуки мастерил из соломы подвеску, какие обычно местные жители делают к Рождеству и вешают под потолком. На столе перед ним стояла деревянная кружка с пивом, лежали кучка соломы, горстка куриных перышек и маленький моток грубых ниток. Он низал соломинки на нить, соединял их сперва в треугольники, затем в пирамидки, к углам цеплял пучки перьев и таким манером собрал уже сооружение высотой в фут.

Барон посмотрел на него внимательно и одобрил по крайней мере внешность. Мазила был чем-то похож на него самого. Но черты баронского лица были тоньше, острее, и его голубые глаза смотрели куда пронизательнее, чем такие же голубые, но по-детски наивные глаза живописца, да и волосы фон Нейланда, когда-то светло-русые, как у Кнаге, стали серыми с оловянным отливом.

– Хочешь заработать? – спросил фон Нейланд.

– Заработал уже! – огрызнулся Кнаге.

– Это пиво ты пьешь за мой счет. Я видел портрет. Хороший портрет, только зачем делать фразу, нос как у старого пропойцы? Мне больше понравился фон – тебе следует писать пейзажи. Мне как раз нужны пейзажи. Собирайся, поедem ко мне. Вот тебе задаток.

Фон Нейланд выложил на стол серебряный талер.

– Ого! – сказал Кнаге. – Вот ваша милость – настоящий барон! Я вас так живописую, что соседи помрут от зависти, а...

– Говорю тебе, мне нужен не портрет, а вид из окна. А если ты поместишь в пейзаж нимфу с голыми ножками и пухлой грудкой, то будет замечательно.

Мазила расхохотался.

– Двух нимф напишу для милостивого господина!

– Ну, едем.

Рига, наши дни

– Нужно что-то оригинальное, – сказал Петракей. – Такое, такое... ну, не дешевка! Понял, нет?

– Понял, – ответил референт Саша. – Но я его вкусов не знаю. То есть – в каком направлении двигаться?

– Ну, какие у него могут быть вкусы?! Обыкновенные! – Петракей задумался. – Вот что – это должно быть круто. Не каждый день человеку полсотни бухает. Вот мне бухнет – он точно что-то крутое откопает. А теперь вот – я ему...

– Хорошо, пляшем от другой печки. Это может быть что-то золотое?

– Может. Но не новодел! Или новодел – но крутой, – сразу ответил Петракей. – Ну, такие у нас с ним вкусы.

Полезли в Интернет искать крутые золотые побрякушки. Петракею все казалось чересчур скромненьким, пока Саша не вытащил на экран золотой оклад для образа Богородицы. Весил он, судя по размерам, не меньше двух кило, был инкрустирован красными и зелеными камушками, а стоил столько, что Петракей ошарашенно выругался.

– Это что же – как вся моя фазенда?! Ищи еще! Попроще!

Два часа потратили бездарно, потом Петракей сказал:

– Вот что, я к Семяцкому поеду, оттуда – в баню. А ты подготовь список всей этой дребедени. Узнай, что теперь приличные люди дарят на юбилеи. И заодно – если мы купим что-то старинное, как это везти через границу.

– Хорошо, список завтра будет, – ответил Саша. С тем и расстались.

Служить референтом у Петракея было интересно. Бизнесмен имел славное боевое прошлое, включающее три суда, две недолгие отсидки, шесть разбитых в хлам автомобилей, пять царапин от пуль и много чего еще. Сейчас, в сорок семь лет, он угомонился, заматерел, держал элитный автосалон, ресторанчик, приценивался к гостиничному бизнесу, понемногу и очень разумно торговал недвижимостью. Сашу он взял для таких дел, которыми сам заниматься органически не мог. Скажем, вошли в моду книжки Гришковца, и кто-то при Петракее рассуждал о них с умным видом. Зная свою способность засыпать на второй странице, Петракей давал задание Саше, тот книгу осваивал и пересказывал понятными для Петракея словами, даже зачитывал вслух вкусные кусочки. Или приезжал какой-то театр из Москвы – Саша собирал информацию и говорил, стоит ли тратить безумные деньги на билеты, или – фуфло, чтоб не сказать хуже. Он переводил статьи из американских автомобильных журналов, готовил пресс-релизы на английском и на латышском, сочинял новогодние и прочие поздравления на трех языках, проверял домашние задания у двух дочек Петракея, десятиклассницы Любы и семи-классницы Ксюши. Словом, работа была нескучная, а часто и непредсказуемая.

Для человека, который три года назад сдуру впутался в бизнес своего одноклассника на том основании, что вместе бегали на дискотеки и пили пиво, а потом лишился квартиры, дорогой машины и деловой репутации, должность Петракеева референта – истинный рай. Оклад невелик, но нервы не страдают. Да и приятно работать на человека, который знает, где у тебя потолок, и не требует ничего такого, что было бы тебе не под силу.

Саша закончил перевод, позвонил супруге Петракея с докладом, а потом отправился в «Вольдемар». Там в это время суток обычно пила с хозяевами чай эксперт Тоня.

График Тони был так же причудлив, как график Саши. Она, получив искусствоведческий диплом, пристроилась к крупному антикварному салону «Вольдемар» и получала за разумные экспертные заключения неплохие деньги. Также она выезжала с хозяевами на аукционы, вела английскую переписку (в те годы, когда двое из троих владельцев «Вольдемара» еще были способны усваивать языки, актуален был разве что испанский – чтобы петь песни о революционной Кубе; третий компаньон в школе учил французский, и тот почти забыл), покупала для салона дорожные художественные альбомы и вела картотеку. Кроме того, у нее были постоянные личные клиенты – иногда с такими же запросами, как Петракей.

Саша рассчитал так, чтобы подъехать к «Вольдемару» в четыре. Петракей помог ему купить недорогую «мазду» из хороших рук и сделал пропуск в Старую Ригу, где был второй Петракеев офис.

Собственно, Саша планировал забрать Тоню, повезти ее в какое-нибудь псевдояпонское заведение и проконсультироваться заодно насчет подарка, который понадобится уже на следующей неделе. Заодно он хотел узнать, как антиквариат возят через границу и какие геморрой ждут человека, выправляющего документы на провоз.

К Старой Риге Саша был равнодушен после того, как на пике своей бизнесменской карьеры побывал в Бельгии и Франции, увидел в городишках с гулькин нос величиной соборы, рядом с которыми Домский выглядел просто уныло, и улочки отреставрированных домов сказочной красоты. По Генту он тогда бродил злой и бормотал: «Деньги куда дели? Сволочи, куда дели деньги?..» В шестнадцатом веке Гент и Рига были на одинаковых позициях: два вольных торговых города-порта, через которые проходили бешеные деньги. Но гентские купцы не жалели этих денег на архитекторов, там стояли в ряд настоящие дворцы, один другого краше. А куда ушли деньги рижских купцов – даже вообразить было невозможно. Судя по тому, какие здания уцелели и числятся архитектурными памятниками, деньги были пропиты и потрачены на девиц легкого поведения.

«Вольдемар» был бродячим салоном – несколько раз менял место, пока не «поселился» в узкой улочке напротив знаменитого ресторана. Место было нешумное, но на пересечении туристических троп. А ресторан еще и такую приманку завел: у входа сидели люди в средневековых нарядах, играли на рожках и лютях, иногда танцевали. Туристы с ними фотографировались, а потом препровождались в обширный подвал, где в том самом шестнадцатом веке были винные погреба рижского магистрата.

Саша не раз сопровождал богатых гостей Петракея по дорогим, пафосным и псевдоготическим заведениям. В конце концов они ему приелись, и он смотрел на пустые залы с некоторым злорадством: когда отдаешь за чашку дурно сваренного кофе полтора лата, из них лат уходит на оплату интерьера и услуги, и умный человек при желании найдет в старой Риге несколько кафешек вообще без интерьера, но с хорошим и недорогим кофе, а не будет кормить дармоедов. Саша такие кафешки, конечно же, знал – он знал, где можно пообедать за символические деньги на той же Домской площади, где, казалось бы, сплошная обдираловка для туристов.

В каждом городе хорошо быть своим – и в той же Москве, барствующей и шикающей, местный житель всегда имеет на примете забегаловку за углом, о которой заезжий человек веками не догадается.

Метрах в двадцати от входа в «Вольдемар» была маленькая площадь, где Саша мог ненадолго оставить машину. Он вышел, одернул пиджак и пошел к салону, заранее радуясь встрече с Тоней. Но до салона не дошел.

В дверях «Вольдемара» появилась бабушка – обычная городская бабушка в джинсах и джемпере, невысокая, с выкрашенными в неестественный коричневый цвет волосами. Под

мышкой у нее была завернутая в плотную бумагу картина, в руке – довольно большая сумка с бахромой и заклепками, не иначе – пожертвованная внучкой. Бабушка, чуть прихрамывая, медленно шла навстречу Саше, вдруг остановилась, поглядела на синее небо, и ее ноги стали сгибаться, словно она собиралась сесть. Саша понял, что дело неладно, когда бабушка повалилась на пеструю брусчатку.

Как на грех, узкая и короткая улица была пуста. Ни «пивных туристов» – немцев и англичан (случались и шотландцы в килтах), ни туристов-пенсионеров с гидом-предводителем, ни ряженных у ресторанной двери отчего-то не было. Получалось, что Саша один в ответе за бабушкину жизнь. Он опустился на корточки, похлопал старушку по щекам, даже оттянул пальцем веко. Потом попытался найти пульс. Пульса не было. Саша в панике чуть не сел на камни. От мысли, что он прикасался к покойнице, его едва не настиг обморок. Но бабушкины губы шевельнулись, левая рука задергалась.

Первая Сашина мысль была: звонить в «скорую»! Это была мысль правильная и красивая. А потом пришла некрасивая: пока «скорая» приедет, старушка точно отдаст Богу душу! Потом пришла третья мысль, опять правильная и красивая: ну так можно же бабульку закинуть в машину и доставить в республиканскую больницу, до которой не более десяти минут. Четвертая была правильная и некрасивая: если ты, благодетель хренов, сейчас сядешь в пробку со своим «ценным» грузом, то аккурат за мостом будет у тебя в машине покойница, и как бы самому от такой радости не окочуриться.

Наверное, бизнес еще не все человеческое из Саши вытравил: референт усадил бабушку, довольно легко поднял ее на руки и быстро дотащил до машины. Потом он вернулся за картиной и сумочкой, закинул их в заднюю дверцу, к уложенной на сиденье бабушке, и погнал к мосту.

Пробочное место он одолел слету и погнал напрямик к Агенскалнскому рынку и дальше – чтобы заехать на больничную территорию через ворота «для своих». К счастью, он знал географию этой больницы и нравы в приемном покое. Благодарить за это следовало все того же Петракея – однажды у него в сауне крепко прихватило сердце, и Саша, которого солидные мужики взяли с собой из меценатства, помог усадить его в машину Петракеева приятеля, Франка (уменьшительное от «Франкенштейн»; погоняло соответствовало внешности), сам поехал тоже – на всякий случай. Франк нагнал холода на врачей, а Саша смотрел и учился.

В больнице он без церемоний внес бабушку в приемный покой, усадил в пустое кресло-каталку, пригрозил врачам прессой и письмом в министерство, убедился, что ее увезли в какие-то загадочные для здорового человека комнаты, и тогда отправился восвояси.

Он сел за руль, имея в голове одну мысль: куча времени потрачена, вперед к Тоне!

Тоня, предупрежденная звонком, что явится мужчина, которого она считала женихом, ждала его и немного сердилась. Странная история о бабушке ее озадачила. На всякий случай она затеяла с Сашей маленькую ссору, потом они мирились, потом поехали к Саше на съемную квартиру, решив, что японские лакомства можно и на дом заказать. Там Тоня наскоро рассказала Саше про антикварные подарки, он записал, и больше о делах они в тот вечер не говорили. Ночевать Тоня пошла домой, благо жила в трех кварталах от Саши. Он проводил подругу, вернулся, доел роллы и крепко задумался. По всему выходило, что нужно на Тоне жениться. В двадцать восемь лет это уже можно себе позволить. Два года близких отношений означают, что как-то Саша с Тоней друг к другу притерлись, и чего еще требовать от судьбы, какой неземной красоты и миллиардерского приданого? Тоня спокойная, образованная девушка со стройными ногами и приятным лицом, любительница хорошего кино и серьезных книг, одевается со вкусом, теоретически должна стать хорошей матерью – чего еще?!

После сожительства с красавицей, которая преспокойно бросила его, когда начались неприятности, Саша резко поумнел...

Утром Саша явился к Петракею с докладом: Тоня берется подыскать не очень попорченную икону конца семнадцатого или начала восемнадцатого века, а если не икону – то приличный пейзаж; подарок будет за разумные деньги, с документами, с разрешением на вывоз, а главное – уникальный.

– Картина? – Петракей задумался. – Мишук в них ни хрена не смыслит.

– И не обязательно, – сказал Саша. – У него будет вся инфа – какой век, кто художник, сколько стоит на аукционе «Сотсби». Деньги-то он запомнит?

– Деньги – запомнит. Но погоди! Какой «Сотсби»? У меня столько нет!

– Андрей Петрович, если бы эту картину или икону повезти в «Сотсби», она бы стоила очень много. Но сперва нужно вложить кучу денег в то, чтобы организовать ее участие в аукционе. «Вольдемар» не хочет тратить деньги на работы, которые рискуют не уйти за хорошую английскую цену, и продает их тут за скромную рижскую. Я могу привезти каталоги, где есть полотна и иконы примерно такого уровня – вы все поймете...

– Уже понял, – не желая копаться в каталогах, выпалил Петракей. – А рама-то какая?

– Если выберем хорошую работу – то уж раму ей «Вольдемар» сделает классную! Позолоченную! С натуральной резьбой! – радостно воскликнул Саша. Рама – это как раз то, что Петракею понятно. – А иконе рама не нужна. Там как раз важно, чтобы клиент видел изнанку.

– Нет, давай то, что в раме. Без рамы – западло. И с иконой – дело темное. Сейчас, правда, все в церковь ходят, только Мишук... он, кажется, буддист... или баптист?..

Сам Петракей после бурных девяностых пытался подобрать себе подходящую веру и даже подумывал об исламе (ничего, кроме позволения иметь четырех жен, он в этой религии не уразумел), потом связался с местными язычниками, вместе с ними ходил жечь по ночам костры, но тут случился облом: язычники все были латышами и полагали, что русских обращений их древние боги слышать не пожелают, ну а Петракей знал по-латышски слов полтора. Удостоверение о степени владения государственным языком и о сдаче соответствующего экзамена было куплено за небольшую цену по знакомству. Саша сомневался, что в кругу приятелей и деловых партнеров Петракея есть хоть одно удостоверение, полученное законным образом.

В результате Петракей отказался от экспериментов и стал обычным православным захожанином – регулярно заходил в церковь ставить свечки. На супругу он возложил обязанность кулинарного обеспечения православных праздников и на том успокоился.

– Хорошо. Я подберу три-четыре варианта, сфоткаю и покажу.

– Действуй.

Выйдя из кабинета, Саша посмотрел на себя в зеркало и сам себе удовлетворенно покивал: хорош, строен, костюмчик сидит, как на манекенщице Армани, идеальный офисный труженик – главное, никаких своих бизнесов больше не заводить под страхом смертной казни! При Петракее вряд ли удастся выдвинуться, для Петракея он навеки останется референтом, даже если выиграет миллиард в лотерею. Пора собраться с силами, сказать себе, что дурное время после краха кончилось, надо думать о настоящей карьере.

Позвонила Петракеева супруга, которая увязла в кроссворде. Ей требовался остров в Средиземном море из четырех букв. Потом позвали на тест-драйв новенькой «той-оты-секвой». Саша сидел в дорожной машине и воображал, что она – его собственная. Нужно было настраиваться на другой уровень доходов и присматривать нового хозяина. Мысль о женитьбе оформилась окончательно и порождала кучу других мыслей, связанных с материальным благополучием. И это было правильно.

Рассказав Петракею всю правду о результатах тест-драйва, Саша получил задание – узнать цены на земельные участки в Бабите за два последних года. Петракею что-то предложили, он сомневался, и Саша весь остаток дня работал над сводкой. Наконец он сдал свой труд, получил конверт с деньгами, которые Петракей выдавал помимо обычной, проходящей по бумагам, минимальной заплаты, и был отпущен.

Он решил съездить к матери и рассказать о своих замыслах. Не то чтобы материнское слово имело какой-то особенный вес, но ей будет приятно первой услышать такую новость. А мать с отчимом живут на Югле – значит, нужно брать машину со стоянки.

Раз уж в планах был такой визит, Саша собрался наконец-то купить матери давно обещанную микроволновку взамен сломавшейся. Тем более что деньги как раз были.

Он решил взять подарок не в багажнике, а сзади, на полу, потому что багажник был забит всякой дрянью, а коробка – большая. Отворив заднюю дверцу, он невольно ругнулся.

Вытаскивая обмороченную бабушку, он прихватил ее сумку прихватил, а картину-то забыл. Картина была не очень велика, полметра на семьдесят сантиметров или около того, и она так поместилась в машине, что сразу не заметить.

Саша ощутил угрызения совести. Про бабушек, которые, не в силах прожить на пенсию, тащат в антиквариаты все, что представляется им произведением искусства, он знал от Тони. Может быть, картина была последней надеждой старушки. Может, это фамильное сокровище, которое хранилось до последнего, пока всерьез не прижало? Может, портрет покойного мужа?

Сашина совесть до того доскулилась, что референт, уместив в машину микроволновку, поехал в больницу.

Там ему сказали, что бабушка очухалась, слабой ручкой вынула из сумки дешевый мобильник, кому-то позвонила, и за ней приехали. Тот, кто приехал, оплатил все расходы щедрой рукой, но был угрюм и неразговорчив. Саша объяснил ситуацию, и ему показали запись о водворении бабушки в больницу. Звали старушку Анна Приеде, адрес отсутствовал.

Анна Приеде в Латвии – это все равно что Мария Иванова в России. Искать ее можно весь остаток дней своих. Единственное, что понял Саша: бабушка была латышкой.

Он съездил к матери, отдал микроволновку, поделился планами, услышал поздравления: все как полагается. Тоня матери нравилась. Мать желала сыну такой семьи, где все идет по плану, дети зачинаются и рождаются вовремя, ступеньки служебной лестницы ложатся под ноги именно тогда, когда возрастают расходы, и никогда никто не повышает голоса. В голове у матери был образ идеальной семьи, и Тоня казалась ей подходящей кандидатурой, чтобы мечта сбылась.

На следующий день Саша созвонился с Тоней и поехал в «Вольдемар» – выбирать подарок и узнавать про бабушку. Тоня уже знала про его героическое приключение с умирающей старушкой, но про забытую картину услышала впервые.

– Может, эта бабулька уже приходила, сдавала что-нибудь? – спросил Саша. – Может, у вас в бумажках есть ее адрес? А то чувствую себя последней скотиной...

– Надо у Ирены спросить. И не расстраивайся ты – бабулька с большой придурью, – успокоила Тоня. – Ирена мне рассказывала. Она такую цену за свое сокровище заломила, как будто Рембрандта продает. А это – очень попорченное полотно, предположительно – второй половины семнадцатого века, неизвестного художника, мазила какого-то криворукого. Похоже, копия какой-то ранней работы, тоже неизвестно чьей. Так Хинценберг сказал. Там на реставрацию больше денег уйдет, чем можно взять за это убожество даже на хорошем аукционе.

– Может, ей есть нечего? – предположил Саша.

– Не думаю. Ирена заметила – на ней золотая цепочка с кулоном. Было бы нечего есть – снесла бы в ломбард.

– Суровая ты...

– Знаешь, сколько сюда приходит этих бабулек? И все – трагические актрисы, как Сара Бернар. Все клянутся, что колечку триста лет, а картинку нарисовал Леонардо да Винчи. А колечко – штамповка конца шестидесятых, с александритом. Скажешь бабке, что триста лет назад александрит еще не открыли, так она еще и обижается.

Пошли к Ирене, которая принимала бабулек и дедулек с сокровищами. Она старушку сразу вспомнила, эта дама время от времени привозила то бисерную сумочку, то серебряную

солонку. Ирена даже нашла квитанцию с адресом. Старушка, оказывается, приезжала из Кулдиги.

– Как будто там нет антикварного магазина! Только зря деньги проездила, – Тоня вздохнула. – Им, этим бабушкам, кажется, будто в Риге крутятся бешеные деньги. Может, где и крутятся, только не у нас. Пойдем, покажу тебе нашу благотворительность.

Тоня подвела Сашу к стеклянной тумбе с полками.

– Вот – по два, по три года серебро тут лежит. Взяли в свое время, чтобы стариков не огорчать, а кому теперь нужны эти портсигары? Вот недавно уценяли – все равно никто не берет.

– Что, и бокалы никто не берет?

За стеклом стояли в ряд пять серебряных бокалов с одинаковыми монограммами на боку, первый – большой, сантиметров в пятнадцать, последний – маленький, сантиметров в восемь.

– Даже никто не приценивается. Они же разные. Если бы одинаковые, и шесть, был бы шанс. Идем в наши запасники, выберем что-нибудь твоему Петракею.

– А эта картина, что бабулька принесла, она что, совсем безнадежная?

– Ну, разверни ее, убедись сам. Я, правда, не смотрела, так Хинценберг сказал, а у него глаз – алмаз.

Это было сказано очень уважительно. Тоня действительно преклонялась перед старым антикваром – и опыт у него был потрясающий, и взгляд наметанный, и интерес к живописи и старине – истинный, а не только связанный с латами, долларами и евро. Хинценберг к тому же не любил современного искусства – а современным он считал все, созданное после семидесятых годов прошлого века.

– Деточка, на эти штуки посмотришь – и захочешь повеситься, – говорил он. – Думаешь, откуда у нас демографический кризис? Народу показывают полотна, которые убивают всякое желание кого-то любить.

Сперва Тоня возмущалась, спорила, потому что в Академии художеств ее как раз учили искать смысл и высокую духовность в депрессивной мазне, даже научили. Потом Хинценберг понемногу навел порядок в голове у своего молодого эксперта.

В «Вольдемаре» было пусто, скучали за прилавками две продавщицы. Салон просматривался насквозь, от тумбы со старым серебром видна была входная дверь. Зазвякал подвешенный к ней колокольчик, вошли два старика, один с седой гривой, другой совершенно лысый, оба с большими фотоаппаратами на груди.

– Туристы. Могут, кстати, взять что-нибудь недорогое, если поймут, что это местная экзотика, – сказала Тоня. – Вон, видишь, фарфор пятидесятых и шестидесятых годов. Тогда это была пошлость невероятная, девочки с мальчиками в народных костюмах, грошовая безделушка на комод, Хинценберг рассказывал – эти фигурка в подарочные наборы клали в нагрузку к пододеяльникам, а полвека прошло – оно уже историческая ценность! Вот увидишь, если и возьмут – то фарфор.

Но как раз латышские народные костюмы старичков не интересовали. Они склонились над витринами с украшениями, потом долго изучали натюрморт с ноготками и сливами, очень яркий и праздничный.

– По-моему, им латышские костюмы ни к чему, – прислушавшись к перешептыванию старичков, тихо сказал Саша. – Это знаешь что за язык?

– Немецкий?

– Нет, идиш. Они похожи. У нас соседи были, в Израиль уехали, так у них дед с бабкой так говорили, чтобы внуки не поняли. А было деду с бабкой по восемьдесят, наверное...

Старички приблизились к тумбе и замолчали. Долго смотрели они на серебро, потом разом повернулись и пошли прочь. Звякнул дверной колокольчик.

Саша взял бабушкину картину и поспешил вслед за Тоней в запасники салона – там висели работы для постоянных и денежных клиентов, чтобы не смущать ворье, заглядывавшее иногда в надежде поживиться шедевром Рафаэля.

Старый Хинценберг встретил их, улыбаясь, как добрый дедушка непутевым внукам.

Для возни с картинами он надевал серый халат и древний беретик – пыль в запасниках была совершенно неистребимой. А повозиться старик любил – бывало, и по два часа обследовал полотно с лупой, и с лица, и с изнанки. Вид у него был тот самый, который люди, не сговариваясь, определяют «старый чудака». Поглядеть на халат с беретиком – и сразу образуется в голосе образ бессребреника, служащего искусству не то чтобы бескорыстно, а даже себе в ущерб. Не один клиент на это ловился – и лишь потом обнаруживал, что улыбчивый дедушка имеет хватку тренированного бульдога и цену деньгам знает. Если бы не знал – не удержал бы свой салон в самые лихие времена, когда казавшиеся надежными, как гранитные скалы, фирмы сдувались, приказывали долго жить и вылетали в трубу.

– И вы тоже принесли картину на продажу? – спросил Хинценберг. Саша объяснил ситуацию.

– Нет, и не просите, не возьму. Видели, сколько у нас висит этого добра? Нет, нет!

– Но середина семнадцатого века! – Саша попробовал побороться за бабушкины интересы.

– Но у нее такой вид, будто она лежала на вокзале вместо половика. Я не могу вкладывать деньги в реставрацию непонятно чего. Если бы шедевр – но это абсолютно – абсолютно! – не похоже на шедевр. Тонечка, детка, разверни и посмотри сама.

Тоня развязала веревку и сняла два слоя плотной коричневатой бумаги.

– Какой ужас... – сказала она. – Но знаете, господин Хинценберг, я видела недавно что-то похожее... где-то я это уже видела... Есть! Вспомнила!

Глава вторая

Курляндия, 1658 год

Усадьба фон Нейланда была недалеко от Гольдингена, а где именно – Кнаге толком не понял. Он заснул в тряском экипаже у баронских ног и был вынут уже в просторном дворе. Его препроводили в длинный домик, где жили аристократы среди прислуги: управитель, главный повар с семьей, главный конюх с женой, старшей горничной, секретарь барона, сопровождавший его в поездке. Там мазиле отвели чуланчик, очень хороший чуланчик, где он мог выпрямиться во весь рост. А что постелили на полу – так и в этом свои преимущества: кровати по голландскому образцу коротки, спишь в них, свернувшись, как дитя в материнском чреве, а Кнаге, благодарение Господу, еще не во всякую дверь пройдет, чтобы не пришлось нагибаться.

На следующий день фон Нейланд привел его в свою спальню (он спал один, поскольку госпожи баронессы отродясь не имел) и поставил перед окошком.

– Вот пейзаж, – сказал он. – Вид должен быть ограничен оконной рамой. На полотне должно оказаться все – и мельница, и пруд, и вон та роща слева. Но тут ты со своей подставкой для картины сидеть не будешь. Запомнил местность? Бери свое добро и ступай на лужайку, вон она, оттуда все это отлично видно. Две нимфы тоже должны присутствовать – могу отрядить в твое распоряжение любую из моих скотниц, они девицы молодые и в теле, а если прикажу – будут лежать перед тобой без юбок и рубах, это уж как скажешь. Еще я хотел бы видеть на картине «приапа».

Кнаге не смог сдержать смеха.

Всякие причуды случаются у заказчиков, иному нужно непременно видеть себя на портрете в сверкающей кирасе, хотя кирасу такой величины во всей Европе не найти, иной требует пририсовать к своей лысой башке вороные кудри, ибо кажется ему, что в молодости они были как раз вороны. Этому вот – подавай «приапа» посреди курляндского пейзажа. Голые нимфы – еще полбеды, это дело в любом пейзаже обычное, хоть в испанском, хоть в лапландском. Но «приап» художника смутил.

От девок он, впрочем, не отказался.

Целый день Кнаге провозился с грунтовкой холста, сварил для этой нужды клею про запас, не пожалел для доброго барона цинковых белил вместо обычного мела, потом три дня сидел на лугу и усердно малевал пейзаж. Он поместил туда все необходимое – и мельницу, и нимф. «Приапа» сперва изобразил на отдельной бумажке – хотел убедиться, что заказчик желал именно это. Рисовал по воспоминаниям – видел несколько полотен, где под сенью неопознанных деревьев на заднем плане стоял серый каменный столб, верхняя часть которого являла собой обнаженный мускулистый мужской торс с бородатой головой, но без рук. Внизу, там, где торс завершался и начиналась гладкая поверхность столба, имелось нечто пикантное, размера – раза в полтора более обыкновенного, и готовое к боевым действиям.

Как всякий художник, желающий получать заказы и хорошо их выполнять, Кнаге знал греческую и римскую мифологию, помнил атрибуты всех богов, от Зевесовых молний до Венериных голубок, не говоря уж о Купидоновых стрелах (Купидона заказчики норовили вставить в любой сюжет, а Кнаге не сопротивлялся). Приапа считали сыном Зевса и Афродиты, уродившимся с поразительной мужской анатомией. Испуганная мамаша оставила его в горах, дитя подобрали и воспитали местные нимфы, не столь пугливые. Приапа высшее олимпийское начальство назначило богом садов, огородов и всяческого плодородия, но это было, сколько Кнаге помнил, уже не греческое, а римское «начальство». Деревянных и каменных «приапов» ставили в лесах, садах, виноградниках, а также на пасеках, пристанях и в лупанариях. То есть, живописуя античный сюжет, художник мог водрузить скабресную фигуру где угодно, и ошибкой бы это не сочли.

Фон Нейланд посмотрел, оценил, одобрил. Сам указал на картине место для «приапа». Только велел писать столб более толстым. Кнаге согласился – столб гениальности от художника не требовал, не то что нимфы – тут уж он, пользуясь редкой в его ремесле возможностью писать обнаженную натуру, повеселился вволю и блеснул талантом. К тому же Кнаге хотел показать фон Нейланду, что его родственник фон Брейткопф – тупой самодур, не имеющий понятия об искусстве и не уразумевшей истинной цены портрета, а также беспредельной гениальности художника; а гениальность – вот она!

Правда, девок он немного приукрасил, убавил им пышности там, где положено быть талии, спины сделал поуже, груди – малость поменьше. Но в целом не слишком преобразил натуру. Особенно ему понравились светлые распущенные косы скотниц – одну он нарочно поставил так, чтобы падавшие на спину волосы показать во всей красе. Для позирования он отвел девиц к речке, а кучер фон Нейланда, Марцис, ходил поблизости, гоняя любопытных.

Полюбовавшись своими скотницами (которых он, сдается, видел без юбок не только на картинке), фон Нейланд показал Кнаге небольшие картины в спальне – действительно любопытные картины. Одно полотно даже заставило Кнаге разинуть от изумления рот. Мазила повернулся к барону с немым вопросом во взоре и услышал краткое «да».

При этом фон Нейланд тонко и лукаво усмехнулся.

Кнаге был настоящим бродячим мазилой – слонялся по маленьким городкам, где нет своего художника, обновлял картины в храмах Божьих, мог починить и деревянную резьбу, заодно покрасив в яркие цвета одеяние святого, писал портреты почтенных бюргеров с женами и детками, заодно торговал раскрашенными гравюрами. В молодые годы все это – приятные занятия, если не связываться с баронами вроде фон Брейткопфа. Но Кнаге старался там, куда его заносила фортуна, посмотреть старинную живопись, давнюю, вышедшую из моды: в церквах видел алтарные картины и фрески Маттиаса Нитхарда, прозванного Грюневальдом, и завидовал его отважному обращению с цветом; нарочно пошел в Виттенберг посмотреть работы знаменитого Лукаса Кранаха. Портрет, висевший в гостиной фон Нейланда, был ему знаком по странствиям в Саксонии, и он сразу узнал лицо, узнал руку. Было достойно удивления, что это сокровище попало к курляндскому барону.

Больше они о портрете не говорили – довольно было того, что поняли друг друга. Фон Нейланд, получив пейзаж с нимфами и «приапом», заказал другой – вид своей усадьбы с холма, того самого, что Кнаге изобразил на первой работе. И Кнаге понял, что попал в рай. Как же не рай, если на завтрак приносят в мисочке сливки, которые можно резать ножом? Как же не рай, если можно отрезать себе куски жирного мяса, поджаренного так, что корочка тает во рту?

Чтобы показать усадьбу во всей красе, Кнаге избавил пейзаж от нескольких больших деревьев, тогда зритель мог оценить величину просторного одноэтажного дома, расположение служб – больших клетей, хлевов, конюшни, сараев, маслобойни; перед усадьбой он изобразил крошечных всадников на одинаково гарцующих лошадках, иначе вид получался уж очень скучный.

Фон Нейланд и вид усадьбы сверху одобрил. Потом ему потребовался вид мельницы отдельно. Там Кнаге окончательно освоился в раю – уложил-таки в кустах девку, что носила ему в корзиночке обед. Насколько он понял, девка осталась довольна, хотя вслух об этом не сказала. Может, и слов таких они оба не знали: она – на немецком, он – на латышском.

Кнаге уже стал почти своим за баронским столом, где его сажали в дальнем от хозяина конце, но все-таки сажали, и знал всех домочадцев. Их было немного – пожилая фрейлен фон Нейланд, племянник и племянница барона от другой сестры, ныне покойной, – Николас-Иоганн-Якоб фон Альшванг и Анна-Маргарита фон Боссе, некий господин фон Бок – видимо, совсем уж дальняя родня, и молодая девица Мария-Сусанна – то ли воспитанница, дочь покойного друга, то ли незаконное дитя самого барона (этот вывод Кнаге сделал на основании носа с горбинкой и прочих, заметных лишь художнику, черт сходства).

Девушка была немного похожа на тот старинный портрет, который висел в бароновой спальне. Не красавица – но чистая светлая кожа словно излучала сияние, волосы золотились. Лицо было продолговатым, без обязательных для классической красоты пухлых щечек, со спокойными внимательными глазами, и оно словно само просилось на холст, но Кнаге видел Марию-Сусанну, если бы она снизошла и позволила написать свой портрет, существом из иного мира, загадкой – то ли мальчик, то ли девушка, без кружев и жемчуга на шее, но с цветами в волосах, и непременно в холодных тонах! Ее природное высокомерие требовало тонов зеленоватых, голубоватых, серых. Еще живописцу мерещилось на этом воображаемом портрете черно-белое – обязательно или полосатый шнурок на одежде, или полосатая лента в волосах. И цветок чертополоха в руке – тоже холодно-лиловый.

Фон Альшванг пожаловал в гости к живописцу как раз в обед. Кнаге как раз затащил мольберт с почти законченным видом мельницы в тень и ждал девицу с корзинкой, чью полосатую домотканую юбку и вышитый белый чепчик высмотрел издалика.

– Не откажетесь? – спросил баронов племянник, ставя в траву бутылку темного стекла. – Дядюшка всегда покупает рейнское целыми корзинами. Выпейте за его здоровье.

– Не откажусь, благодарю! – отвечал Кнаге.

– А у меня к вам, господин Кнаге, дело. Соболаговолите выслушать.

Мазил привык к более простому обхождению и даже растерялся.

– Я собираюсь уезжать отсюда, поступить на службу. Но я провел в усадьбе столько лет, я буду скучать... Господин Кнаге, у меня тоже для вас заказ. Сделайте мне копии тех картин, что вы написали для дядюшки! Я возьму их с собой, в новом своем жилище повешу на стену... вы понимаете?... Я буду смотреть на них... вспоминать...

Для тридцатипятилетнего господина, которого жизнь уже порядком потрепала, столь нежные чувства – большая редкость, и Кнаге, который чаще сталкивался со злобой человеческой, чем чувствительностью, разинул рот.

– Я заплачу, – тут же добавил племянник. – Меньше, чем дядюшка, но заплачу – это ведь копии? За них платят меньше?

– Да, господин фон Альшванг, – согласился Кнаге.

– Вдвое меньше?

– Срядились, – сказал художник, пока племянник не додумался еще уменьшить вознаграждение.

– Все три картины?

– Мне придется купить холсты. И какое-то время уйдет на то, чтобы загрунтовать их.

– Холсты принесу я. И, господин Кнаге... я хотел бы... Словом, пусть это останется между нами. Делайте копии так, чтобы этого никто не видел, ни слуги, ни эта хитрая девка Мария-Сусанна...

– Но как?..

– Ночью!

Кнаге изумился, но согласился.

Рига, наши дни

Тоня пошла учиться на искусствоведа от несчастной любви. Она влюбилась в молодого художника, который у нее в школе преподавал рисование и вел платную студию. Тоня извела прорву бумаги, акварели и даже дорогих акриловых красок, пока поняла, что живописных талантов Бог не дал. Но к живописи она приросла. Бог дал взамен отличную память, и в голове у Тони хранились экспозиции всех знаменитых музеев и шедевры всех мастеров, начиная чуть ли не с краснофигурной античной керамики.

Родители ужаснулись, узнав о дочкином выборе, но старшая сестра встала на Тонину сторону.

– Вы просто не знаете, сколько получают за экспертизу, – сказала она. – А чтобы стать экспертом, нужно высшее образование. Ничего, прокормим!

Имелось в виду – прокормим до той поры, когда миллионеры будут приглашать Тоню для оценки своих коллекций.

Оказалось – все не так плохо. Когда курсы валют скачут, как блохи, недвижимость падает в цене, банки лихорадит, а политики, ничего не понимая, несут чушь, вкладывать деньги в произведения искусства имеет смысл. Многие богатые рижане уже раньше завели себе картинные галереи – какой же пентхауз без галереи? А поскольку люди, умеющие зарабатывать деньги, как правило, ничего другого толком не умеют, приятная девушка в очках, знающая наперечет местных художников первой, второй и двадцать второй величины, с помощью умной сестры и ее мужа стала наживать себе клиентуру.

У нее уже было несколько таких галерейщиков поневоле, кому она звонила в первую очередь, если на горизонте появлялась приличная работа. И двух месяцев не прошло, как она была в гостях у богатого дядечки, которому понемногу сосватала то ли шесть, то ли семь картин тридцатых годов.

Дядечка по фамилии Виркавс, вообще-то, к тридцатым годам был равнодушен, ему хотелось чего постарше, такого, чем хвастаются, и он, списавшись с коллекционером из Канады, договорился насчет обмена. Канадец как раз предлагал довольно старую работу, неподписную, с дефектами, но слова «семнадцатый век» рижанина привели в восторг.

Он позвал Тоню, чтобы вместе с ней за чашкой горячего шоколада с орехами, собственноручно состряпанного, обсудить эту затею. Канадец прислал файл, этот файл рижанин вытащил на монитор и сказал Тоне:

– Вот, вроде ничего, да?

– Какой ужас! – ответила Тоня.

– Но семнадцатый век!..

На мониторе был пейзаж с мельницей на заднем плане, который, с Тониной точки зрения, был бы куда лучше без двух толстых полуголых девиц посерединке, из которых одна лежала на травке, а вторая стояла, поправляя распущенные волосы. Но девицы – это бы еще полбеды; в кустах возвышался серый каменный «приап» со всеми положенными символу плодородия подробностями.

По логике живописца, девицы устраивали свой немудреный стриптиз как раз для «приапа», и его бородатая каменная рожа выражала удовольствие.

– Вы уверены, что вам в галерее нужна эта пошлость? – спросила Тоня.

– Тонечка, вы меня удивляете! Это же обнаженная натура, она не может быть пошлой! – при том, что разговор они вели на хорошем латышском языке, Виркавс то ли из преувеличенной любезности, то ли из баловства называл Тоню ласкательно по-русски.

– Может. Давайте я вам лучше Розенталя сосватаю, Биркманис продает, но об этом еще никто не знает. Можно договориться за хорошую цену. Там тоже обнаженная натура, но хоть приличная. В смысле – художественная.

– Тонечка!..

Тоня поняла, что дядечка влюбился в девок, соблазняющих каменного болвана, и не успокоится, пока их не получит. А может, сам «приап» показался ему прикольным. То есть – спорить не имело смысла. Виркавс был упрям – это и на его круглой физиономии отчетливо читалось. Жена его, может, и смогла бы переубедить, устроив истерику и пригрозив разводом, но не эксперт, вдвое его моложе. Не исключено, что ответом была бы другая истерика – это с крупными мужчинами нордического типа, с примесью польской крови (Виркавс был из Латвии, где польская кровь – дело обычное), случается чаще, чем хотелось бы.

Тоня перевела разговор на другое – на подсветку, верхнюю и нижнюю. Виркавс попросил ее подобрать соответствующие маленькие лампочки, она принесла два каталога, и они вдвоем

быстро выбрали то, что вписывалось в дизайн галереи (галереей они называли длинный коридор, куда с одной стороны выходили двери спален и гостевых комнат, другая была отдана картинам, а освещение было только искусственное).

После этого она Виркавса не видела и не созванивалась с ним.

И вот, глядя на бабушкину картину, она все отчетливее понимала: Виркавс вздумал покупать точно такую же, но канадскую и сохранившуюся гораздо лучше.

– Знаешь что, деточка? Не будем мы пока искать эту кулдингскую даму, а узнаем, что с канадской работой, – решил, узнав про такой сюрприз, Хинценберг. – Загляни-ка к Виркавсу, посмотри – может, что-то вроде подписи разглядишь. Ну, не мне тебя учить.

– Я посмотрю, – сказала Тоня. – Сейчас прямо и позвоню ему.

Повод был – узнать, как ведет себя подсветка и можно ли эти крошечные лампочки с чистой совестью рекомендовать другим клиентам.

Пока Тоня договаривалась, Саша снимал на мобилку четыре возможных презента – очень благопристойные пейзажи конца девятнадцатого века; респектабельные, можно сказать, пейзажи, благопристойные, почтенные, вылизанные, этакий возвышенный реализм с закатным небом, озерным берегом, крошечными домишками в старинном вкусе, миниатюрными человеческими фигурками, лошадами на лугу и прочими принадлежностями. Все они должны были понравиться и Петракею, и московскому Мишуку – вид у них был музейный. И все явно приберегались «для своих» – судя по тому, что в торговом зале не выставлялись.

– Он предлагает приехать сегодня, – сообщила Тоня. – Завтра улетает с женой в Испанию.

– А что, если я поеду с тобой? – спросил Саша. – Это ведь ненадолго? А потом сразу на Юглу, к моим.

Тоня внимательно посмотрела на него – правильно ли поняла. Он улыбнулся и дважды кивнул.

Виркавс жил в загородном особнячке на южном берегу Большого Белого озера: место не то чтоб аристократическое, а даже древнеаристократическое. Там, наверное, с пятидесятих годов прошлого века селились солидные люди – те, кому по карману выстроить свой дом и каждый день ездить на собственной машине в Ригу и обратно. Образовались поселки, где не было чужих. Купить участок под новостройку там было совершенно невозможно.

Если горячее желание жить на Большом или на Малом Белом озере не унималось, то был еще северный берег, мало обжитый, там даже приличной асфальтированной дороги не имелось. Но солидному человеку забираться туда было как-то не с руки.

На въезде в поселок стояла будка со шлагбаумом. Тоня позвонила Виркавсу, он – охраннику, «мазду» впустили. Она покатила по дугообразной улочке, повторявшей, видимо, береговую линию, мимо кованых заборов и калиток, мимо опрятных и элегантных коттеджей, мимо дворики, над которыми потрудились опытные садовники и дизайнеры.

Виркавс встретил во дворе, указал место для машины и провел сразу в галерею. Там он включил сперва нижнюю подсветку, потом верхнюю, потом обе сразу. Когда Тоня убедилась, что лампочки не бликуют и в глаза не бросаются, Виркавс повел в гостиную.

– Вот, – сказал он. – Привезли. На прошлой неделе! Нарочно мы с этим Батлером на курьера скинулись. Но курьер умный – он еще из Ванкувера породистых кошек вез, каких-то оцелотов, что ли. Выгодное дело – курьером работать. Мы с женой решили – пусть пока тут повисит.

Беседа велась на латышском, хотя Виркавс, получивший высшее образование еще до развала Союза, прекрасно владел русским. Но тут он был у себя дома, впридачу знал, что молодые гости говорят по-латышски вполне сносно: Тоня в Академии художеств и лекции слушала, и сдавала экзамены на этом языке, а Саша не имел с ним проблем, потому что был полукровкой и несколько лет рос под присмотром бабушки с отцовской стороны, дамы с большим национальным перекосом.

Место в галерее имелось – Виркавс отдал за свой «семнадцатый век» три картины, и их уже увезли. Видимо, жена, дама строгих нравов, не захотела развлекать гостей, которых торжественно водят по галерее, полотном с «приапом». А в гостиной его пристроили как-то сбоку, за огромным диваном; вроде и стена не пустая, и разглядеть безобразие трудно.

У Тони было три футляра с очками. Одни, сильные, она надевала в театре. Как-то очень незаметно она открыла сумочку, в ходе светской беседы сняла одни очки, поменяла их на другие; она привыкла проделывать эти манипуляции, не привлекая внимания, чтобы никому не объяснять свои офтальмологические проблемы. Потом она сказала «я на минутку» и вышла.

В туалете Тоня достала из сумочки мобильник.

– Господин Хинценберг? Посмотрите, пожалуйста, у кулдингской работы есть на «приапе» какие-то надписи? Да, я жду, – сказала она. – Так, ясно, скиньте мне через пару минут эсэмэс... Как – не умеете?.. Господин Хинценберг!.. Ну, попросите кого-нибудь, Ирену попросите... Это все дошкольники умеют...

Она вернулась в гостиную. Саша объяснял Виркавсу, что они приехали буквально на пять минут. Это было чистой правдой – его уже искал Петракей, и Саша не признался, что укатил к Белому озеру, наоборот – обещал быть через двадцать минут. Так что Югла и праздник для матери отменялись.

На сей раз Виркавс приготовил хитроумный китайский чай, спрессованный в крошечные бурые чашечки, которые при правильном заваривании красиво раскрывались. К чаю он, эстетствуя, подал сухое печенье и пообещал, что его вкус подчеркнет букет напитка. Саша от букета отказался, его организм никаких чаев не принимал, а Тоня из любопытства согласилась. Виркавс расставил на журнальном столике керамический чайник с плетеной ручкой, коричневые пиалушки, плетенку с печеньем. Ему нравилась красивая сервировка. Эти маленькие радости, необходимую принадлежность быта старой латышской семьи, хранящей традиции, Тоня хорошо знала и даже уважала. Она тоже частенько эстетизировала действительность.

Лежавший на журнальном столике айпод Виркавса вдруг заскрипел на русском языке:

– Хозяин, слышь, хозяин, ты это... Возьми меня, хозяин!..

Виркавс поднес аппаратик к уху.

– Да, я, – ответил он по-латышски. – Да, тот самый. Простите, это мое личное дело. Нет, я посторонних в дом не впускаю. Научитесь сперва говорить вежливо. Нет, теперь я вообще встречаться с вами не хочу. Это не моя проблема.

Тем разговор и кончился.

– Извините, Тонечка, я должен выезжать, – сказал Виркавс. – Это просто свинство, просто свинство... Я не за это деньги платил...

– Идем, нам тоже пора, – Саша направился к двери. – Тонечка?

– Да, идем, идем... – согласилась она и бросила тоскливый взгляд на «семнадцатый век».

Сделав два шага к Саше, она налетела на низкий пуфик. Очки, позволяющие видеть стрелки на часах главного героя из восемнадцатого ряда партера, превратили пуфик в туманное пятно.

Сашина «мазда» стояла так, что загораживала двери гаража. Саша с Тоней выехали первые, ворота за ними остались открыты – для джипа Виркавса.

В «мазде» Тоня первым делом вытащила из сумочки телефон и вышла в Интернет.

– Э, де, бэ, цэ, и, цэ... – бормотала она, отправляя самой себе послание. – Эдбциц... Саш, есть в каком-нибудь языке слово «эдбциц»?

– В папуасском, – ответил Саша. – Ты ничего не перепутала?

– Нет, латинскими буквами – «эдбциц». Но буквы такие... сильно потерянные... Ты меня до «Вольдемара» подбросишь?

Саша вздохнул. Но делать было нечего – не ссориться же с подругой, которая скоро станет женой, из-за десяти минут.

К самому салону он Тоню не подвез, а выпустил на набережной. Оттуда было уже близко. Она поспешила к Хинценбергу. Старый антиквар сидел среди сокровищ и разглядывал в лупу старые монеты.

– Что, деточка? – спросил он.

– Господин Хинценберг, где кулдингская работа?

– Вон, у стенки.

Картина стояла «лицом» к стене, Тоня подняла ее и поднесла к свету.

– То же самое!

На каменном «приапе» можно было разглядеть загадочное слово «EDBCIC», на первый взгляд, не имевшее никакого отношения ни к древнегреческому языку, ни к латыни.

– Вряд ли это подпись художника, хотя такие случаи бывали, – сказал Хинценберг. – Зашифровать свое имя посреди работы – дело обычное... или еще какое-нибудь имя... Эдб-циц?

– Да, господин Хинценберг. Очень четкие буквы, хотя надпись нарочно состарена. Римские буквы.

– Это аббревиатура. Эд – Эдуард? Эдгар? Так, где лупа? Может быть, не «EDBCIC», а «EDECIC»? Тогда было бы действительно похоже на аббревиатуру. Двойное имя и фамилия. Или имя и двойная фамилия. Эдуард Экке Цимес... – фантазировал старый антиквар. Тоня не мешала ему – такой поток несуразностей мог привести к открытию.

Она забрала у него лупу и тщательно разглядела надпись. В стеклянный круг попадало и то, что выше надписи, к немалому смущению Тони. Казалось бы, искусствовед уж должен относиться спокойно к таким вещам, потому что насмотрелся на них вволю – что на древнегреческой керамике, что на японских гравюрах. Но Тоне было страшно как неловко – «приап» вызывал у нее даже злость.

В конце концов она прошла с лупой по всему полотну, ища тайных знаков в крыльях мельницы и ветвях деревьев. Никаких букв больше не было.

– Тонечка, деточка, покопайся-ка в глубинах прошлого. Писали вообще что-то на этих каменных дураках? – додумался Хинценберг. – Может, была какая-то непристойная латинская фраза, которую обозначали первыми буквами слов?

– Это могла быть и немецкая, и французская фраза, – возразила Тоня. – Мы же не знаем, на каком языке говорил этот несчастный мазила.

Ей совершенно не хотелось заниматься такими исследованиями.

Хинценберг отнял у нее лупу и еще раз внимательно разглядел надпись.

– Нет, все-таки «В»... Жаль, что ты не смогла познакомиться с канадской работой. Если это, как нам показалось, копия, то канадская, выходит, оригинал. Послушай, а нет ли у тебя телефона этого канадца – как ты его назвала?

– Его зовут Ральф Батлер, – вспомнила Тоня. – Но Виркавс с ним не разговаривал, они письма писали. Господин Хинценберг, давайте я вас научу! Сделаю вам почтовый ящик, поставлю скайп, вы сможете с внуками бесплатно разговаривать!

– Бесплатно? – заинтересовался антиквар. – Это как?

– Через Интернет! Ему же все равно, где ваши внуки, в Юрмале или в Берлине.

– Деточка, я старый больной человек, я там сразу все перепутаю, – тут же выпалил антиквар, и испуг в голосе был неподдельным. – Что мы имеем с птицы гусь? (это он произнес по-русски с сильным еврейским акцентом). Мы имеем работу, которая может оказаться любопытной, если мы точно поймем, с чего эта копия. Давай я сам позвоню этому старому жулику Виркавсу... продиктуй, деточка, телефон...

Виркавс трубку не взял.

– Он куда-то собирался ехать, – сказала Тоня. – Может, у него совещание? Он же в совете директоров какого-то банка.

– Тогда бы он отключил телефон.

– Ну, тогда он в «маленьком домике».

– Без этого тоже нельзя.

Через пять минут они позвонили еще раз – и с тем же успехом.

– В его возрасте еще не положено вдруг падать на пол с инфарктом или с инсультом, – заявил Хинценберг. – Он же совсем молодой человек, ему даже шестидесяти нет.

Вошел совладелец «Вольдемара», Хмельницкий.

Он был красив, как сорокалетний герой-любовник испанского типа, в распахнутом длинном плаще из белоснежной кожи, сорвавшийся с киноэкрана и влетевший в захлащенное и пыльное помещение, почти не касаясь пола; но если приглядеться – и лет было больше сорока, и черные волосы поредели, и белый плащ имел несколько желтоватых пятен.

Тоню всегда удивляли его бакенбарды, тоненькие, как новые шнурочки от ботинок, идеально подбритые. Она никак не могла понять, зачем мужской физиономии это украшение.

– Явился авантюрист! – приветствовал его Хинценберг. – С какого чердака на этот раз?

– У меня проект! Мегапроект! – с места в карьер начал Хмельницкий. – Ты еще ничего не знаешь! Я уже подал заявки на грант от Фонда культурного капитала и фонда Сороса.

– Уйди, уйди! – закричал старый антиквар. – Дай мне спокойно умереть – и пусть меня закопают за мои деньги, а не свезут в крематорий за счет государства!

– Выставка ювелирных изделий Фаберже! – пытался перекричать его Хмельницкий. – Фаберже жил в Риге! Тут жили его работники! Рига – родина Фаберже! Это такой пиар!

– Уйди, уйди, ты меня в гроб загонишь своими проектами! Сколько ты мне должен за каталог Цирулиса?! Давай я заплачу из своего кармана, чтобы грузчики втащили эти жуткие картинки обратно на чердак!

Тоня выскочила из комнаты. Смеялась она уже в торговом зале.

Хмельницкий года два назад прославился тем, что открыл самородка. На чердаке старого дома, образчика пресловутого рижского югендстиля, новые хозяева обнаружили коробки с акварелями. Акварели были мрачны и, если выстроить их в ряд, даже фантазмагоричны: в основном на них стояли и сидели голые женщины в чулках, а чулки были раскрашены разноцветными ромбиками. Женщин пробовали сосчитать – дошли до пяти сотен и бросили.

Попробовали докопаться, чьи это художества. Обнаружили давно скончавшегося безумца, который лет в сорок засел безвылазно дома и не меньше двадцати лет рисовал этих самых женщин, одну другой мрачнее. По тональности и общему настрою он был прямой предшественник тех выпускников Академии художеств, которых ненавидел Хинценберг. Но среди людей творческих считалось хорошим тоном хвалить трагизм, тоску и безысходность. Это и навело Хмельницкого на мысль: если сделать покойному самородку рекламу, то он станет курицей, несущей золотые яйца. Главное – ввести его в культурный оборот, сделать модным, чтобы ни один коллекционер, ни один галерейщик не считал себя профессионалом, если у него не было хотя бы десятка акварелей Яниса Цирулиса.

Эпопея с Цирулисом начиналась великолепно: пресс-конференции, телевидение, выставки в Академии художеств и в Художественном музее, издание здорового каталога на лучшей бумаге, какая только нашлась в Финляндии. Но сумрачный гений самородка покупатели не оценили. Из сотни картин, а одни рамы чего стоили, было куплено восемь; из тысячи экземпляров каталога – то ли одиннадцать, то ли двенадцать, и еще штук сорок Хмельницкий раздарил нужным людям. Сейчас часть этих работ все еще висела в «Вольдемаре», и Хинценберг грозился выставить их на улицу, чтобы зря место не занимали.

В торговом зале стояло несколько стульев – настоящих венских, с гнутыми спинками. Тоня села и еще раз позвонила Виркавсу. Он не отозвался, зато объявился Саша.

– Он выбрал ту, где лодки и рыбаки. Говорит – Мишук рыбалку любит, так что будет в кассу. Нужно приготовить документы. Он в конце недели летит в Москву на банкет и возьмет с собой рыбаков... Да! Рама!

– Так они же в приличной раме.

– В приличной? Она уже совсем облезлая. Помнишь, ты говорила, у вас мастер есть? Позвони ему, пожалуйста. Пусть сделает раму, как в Лувре, новенькую, блестящую, со всеми этими завитушками. Может, у него готовая найдется. Давай, выручай! Отправим моего Петракея в Москву – тогда я на три дня выпадаю из бизнеса. И мы куда-нибудь поедem. А?

– Поедем, – согласилась Тоня, предположив, что жених забыл про обещанный визит к матери, и не желая ему напоминать.

Хотя в двадцать шесть лет уже вроде положено быть замужем, но унижаться ради кольца на пальчике она не станет.

Телефоны резчиков по дереву, поставлявших «Вольдемару» рамы, у нее были. Она позвонила своему фавориту, очень толковому парню, которого обучил ремеслу дед-профессионал, продиктовала размеры картины. И точно – у него имелись рамы на продажу. Нужно было съездить и подобрать ту, что во вкусе Петракея, чтобы резьба была в стиле «варварская роскошь» и позолота – ослепительная. Мастер отлично знал свой контингент...

Когда и это было сделано, Тоня опять позвонила Виркавсу, но уже не на мобильный, а на городской телефон.

– Господин Виркавс не может взять трубку. Кто звонит? – спросил незнакомый голос. Его латышское произношение было кошмарным.

– Передайте ему, что это Антонина, – сказала несколько удивленная Тоня. – Пусть он сам мне перезвонит или господину Хинценбергу.

– Антонина, а дальше?

– Вы, собственно, кто?

– Я, собственно, следователь Полищук.

– Что случилось? – Тоня перешла на русский, предположив, что по-латышски следователь запутается и ничего толком не объяснит.

– Случилось то, что на Виркавса напали, – сообщил Полищук. – И унесли его мобильник. Может быть, у вас есть телефоны его жены и детей?

– Телефон жены есть... Я скину его эсэмэской... То есть какая эсэмэска?.. Погодите, попробую его найти и продиктовать вам...

Тоня была не в ладах с техникой. Иногда ей удавалось, говоря по мобильнику, вытащить на его экран список телефонов, но чаще – нет.

В конце концов она отключилась, нашла номера людей, которые могли быть связаны с Виркавсом, переписала их на бумажку и перезвонила.

– Спасибо, – сказал Полищук.

И тут Тоня вместо того, чтобы вежливо распрощаться и положить трубку, спросила:

– А как он там? Господин Виркавс?

Судя по тому, что к телефону подходил полицейский, Виркавс при нападении пострадал.

– Плохо, – сказал Полищук. – Очень плохо. То есть совсем плохо.

– О господи! Ведь я час назад с ним говорила! – воскликнула Тоня. – Он меня китайским чаем угощал!..

– Вы были у него? – быстро спросил Полищук.

Тут Тоня поняла, что полиция уже вцепилась в нее тигриными когтями.

– Ну как – была? На пять минут заехала по делу...

– Во сколько?

– В четыре.

– Вы где сейчас?

- Я на Блауманя... – Тоня сказала чистую правду, а зачем – неизвестно.
- Вы можете приехать? Прямо сейчас?
- Нет!
- Лучше бы приехать.
- Не вижу необходимости, – Тоня решила выдержать характер.
- Антонина, необходимость есть. Вы – последняя, кто видел Виркавса живым.

Глава третья

Курляндия, 1658 год

Кнаге соврал фон Нейланду, что должен покрыть три картины особым лаком, что этот лак сохнет долго, что все это время работы должны быть под его присмотром, и на этом основании попросил для своих занятий угол клетки, уже наполовину занятой мешками с мукой и зерном. Он собирался просить барона запретить дворне даже заглядывать в эту клетку, чтобы не повредить сохнувшие картины. Кнаге полагал, что за три дня снимет копии. Но фон Нейланд затребовал работы к себе и продержал их в спальне те самые три дня, которые Кнаге хотел потратить с пользой для кошелька.

На третью ночь случилось довольно странное событие.

Мартин-Иероним красавцем себя не считал, но и уродом – тоже. Для скотницы фон Нейланда он был чем-то вроде господина. А вот для сестры корчмаря – голодранцем, и с этим приходилось считаться. Красивая скотница позволила уговорить себя, а далеко не такая красивая Матильда – нет.

– Ну и черт с тобой, – думал Кнаге, глядя с холма, как Матильда с ведерком спешит к большому хлеву фон Нейланда, где по уговору берет молоко.

На холме он, укрывшись в кустах, черкал углем по холсту, чтобы к моменту, когда можно будет приступить к копиям, хоть что-то было сделано. Вспоминая скотницу, он улыбался: девка оказалась горячеей и умела кое-что такое, что городским потаскушкам даже не снилось.

В чуланчике, ворочаясь и устраиваясь поудобнее, он опять вспомнил те проказы и с воспоминанием уснул.

Сон был удивительно правдоподобным – Кнаге прямо-таки ощущал жар, идущий от молодого тела. В какой-то миг жар сделался опасным – к нему прибавилась тяжесть. Кнаге проснулся и понял, что он в чуланчике не один.

– Молчи, во имя Господа... – прошептал женский голос. – Молчи, умоляю тебя...

Кнаге при всем желании не смог бы ничего сказать, разве что прохрипеть: у него от ужаса и неожиданности пересохло горло.

– Ты славный парень, ты ведь не откажешь мне в маленькой просьбе? – шептала женщина. – В совсем маленькой просьбе, это ведь тебе ничего не будет стоить, почти ничего... Только молчи... Я закрыла дверцу, но все равно молчи...

Вдруг до Кнаге дошло: она говорит по-немецки. И говорит без труда. Выходит, это либо почтенная фрейлен фон Нейланд, либо Анна-Маргарита фон Боссе, либо красавица Мария-Сусанна. В чулане было так темно, шепот так искажал голос, что Кнаге не сразу нашел способ опознать женщину. А способ меж тем был – и простейший.

Фрейлен фон Нейланд была худошавая, фигуру такого качества художник сравнил бы с хорошо оструганной доской. Фрау фон Боссе, напротив, была пухленькой. И Мария-Сусанна – как раз такая, чтобы позировать для танцующей Саломеи. Кнаге извернулся, протянул руку и обхватил незримую даму за талию.

– Что ты делаешь... – прошептала она. И это было совсем загадочно – если ночью женщина ложится рядом с мужчиной, то она скорее должна была бы спросить: отчего ты бездействуешь?

С талией случилась неувязка – дама явилась в тесно зашнурованном корсете, который даже Анне-Маргарите придавал девичью стройность.

– Простите, фрау... – шепотом ответил Кнаге. – Тут так мало места... Чем могу вам служить?

– О, это совсем маленькая услуга, совсем крошечная. Для такого мастера, как ты, это даже не услуга – это шалость...

– Ого... – выдохнул Кнаге.

Теперь ему было смертельно любопытно, кому из дам среди ночи понадобилась шалость. Талии в корсетах у всех были одинаковы, но грудь...

– Ах! – вскрикнула гостья.

Теперь Кнаге знал точно – это Анна-Маргарита.

– Пусть фрау молчит, ради бога, – призвал он, теснее прижимая к себе даму.

– Ах, ах, как ты тороплив...

Но причины медлить у Кнаге не было. У дамы, как выяснилось пять минут спустя, тоже. Некоторое время спустя объятие разомкнулось.

Кнаге, приходя в себя, усмехался тому, что дама знатного происхождения в аристократизме своем доходит до предела, занимаясь любовью в туго натянутом тяжелом платье поверх зашнурованного корсета.

– А теперь скажи – ты можешь сделать мне маленький подарочек? – спросила Анна-Маргарита.

– Я небогат, то есть чтобы сделать подарок, достойный фрау...

– Нет, тебе не придется ничего покупать. Ты ведь живописец...

Кнаге ужаснулся. После изгнания из усадьбы фон Брейткопфа он зарекся даже думать о дамских портретах.

– Я мастер по пейзажам, по натюрмортам, – соврал он. – Могу красиво изобразить усадьбу или озеро, или корабли в море...

– Нет, корабли не нужны. Ты ведь не откажешь мне в маленькой, совсем маленькой просьбе?

– Как я могу отказать фрау?

– Дядюшка заказал тебе три картины с видами окрестностей?

– Да, они сейчас у него, но он вернет их мне, чтобы я покрыл их лаком.

– Это очень хорошо, – сказала Анна-Маргарита. – Сними, будь любезен, копии с этих трех картин. Пусть это будут как можно более точные копии, ты понимаешь?

– Понимаю... – прошептал ошарашенный Кнаге. – Но беда в том, что у меня кончились холсты и мне придется посылать за ними...

– Тебе нужны плотные холсты обычной ширины?

– Да, фрау. Но их еще нужно грунтовать. То есть мазать смесью клея, белил и воды, чтобы масло не впитывалось в ткань и краски не просачивались на обратную сторону, от чего лицевая страдает...

– Это уже твоя забота. Холсты тебе тайно принесут. А ты сделаешь мне этот маленький подарочек в знак любви и признательности, милый Мартин-Иероним, и я буду каждый день вспоминать о тебе... – заворковала Анна-Маргарита голосом двенадцатилетней избалованной девочки.

Теперь Кнаге все понял.

– Будь ты неладна... – проворчал он вслед сбежавшей даме, когда дверь чулана беззвучно закрылась.

У Анны-Маргариты, жившей на дядюшкином содержании, либо не было своих денег, либо она их попросту пожалела. Холсты были, а денег не было!

Кнаге решил сгоряча не делать для нее никаких копий. Не расскажет же она дядюшке правду. Но потом одумался. В живописи блудливая фрау не смыслит, но устроить пакость может. Допустим, обвинить живописца в краже и подбросить ему в дорожный мешок какие-нибудь грошовые сережки.

Утром фон Нейланд позвал к себе Кнаге.

Живописец пришел в спальню, но барона вызвали к старосте, ждавшему на крыльце с какими-то неотложными заботами. Кнаге остался в спальне один и сразу подошел к тому ста-

ринному портрету. Он очень хотел понять, как давно умерший художник добивался такой тонкой игры света и тени.

Он чуть ли не носим уткнулся в холст, изучая легчайшие мазки. Сперва казалось, что картина была прописана до самого тонкого волоска и возня с ней заняла по меньшей мере год. Потом Кнаге, не имевший возможности тратить год на картину, пусть даже в результате должен был получиться шедевр, понял: все, кажется, гораздо проще. Одним слоем написаны все густые и мощные пятна, вторым – пресловутые волоски и всякие мелочи, поверх них – еще слой поправок.

Потом его внимание привлекла тень на носу, он взгляделся и обнаружил, что слоев было не два и не три. Густо было написано все светлое, а тень поверх высохшей краски положена какая-то прозрачная. Ему самому это иногда удавалось.

Кнаге представил себе того художника за мольбертом. В первые сеансы он покрыл краской все полотно густо, но без теней. Просто закрасил рисунок, получив плоское лицо и едва намеченные складки ткани. Потом выждал два-три дня и взялся наносить тени, контуры которых изначально были на холсте...

Тут живописца взяло сомнение. Тот, давно умерший, мог действовать двояко. Первый слой, на котором только тени левой стороны, самые простые, написать смаху, простояв у мольберта по меньшей мере четыре часа, а потом занимался отделкой мелочей примерно так же, как сам Кнаге. Или же сперва написать почти плоский портрет, покрывая толстые слои другими толстыми слоями по высохшей краске...

Тут Кнаге задумался – выходит, полутона для толстых слоев покойник разводил раз в три дня и не ошибался в цвете? И все время держал в голове, где на самом деле должна быть тень, чтобы точно положить ее в предпоследний день работы?

Вошел фон Нейланд. Кнаге с неохотой повернулся к нему. Он мог бы еще два часа молча стоять перед изумительным портретом, загадывая тебе все новые загадки.

– Да, – сказал барон. – Ты прав...

И не нужно было ничего объяснять, они поняли друг друга. Видать, фон Нейланд сам в молодости учился рисованию и понимал, что значит для живописца возможность такого долгого и вдумчивого созерцания. Или же был просто догадлив от природы.

Собственные произведения Кнаге на подрамниках стояли у стены. Фон Нейланд посмотрел на них, усмехнулся. Это не было издевкой над жалкими достижениями мази. Скорее барон безмолвно говорил: для начала неплохо, но пора тебе, парень, взяться за ум и осесть там, где ты сможешь работать основательно.

– Что прикажет милостивый господин? – спросил Кнаге.

– Бери картины, неси в клеть, мажь их лаком. Только вид из окна нужно доделать.

Он, нагнувшись, показал пальцем на «приапа».

– Вот тут, маленькими буквами, прямыми, как на римских древностях, написать «EDBCIC». Можно не очень четко – как это бывает на старых замшелых памятниках. И тогда уж сверху – лак. Понял?

– Понял, милостивый господин.

– Вот, чтобы не перепутал, – барон дал Кнаге заранее приготовленную крошечную бумажку с загадочными буквами, написанным не причудливым немецким, а старым римским способом. – Сделаешь, получишь вознаграждение – и сразу в дорогу.

Кнаге представил себе, как будет впопыхах мастерить шесть копий, и тяжело вздохнул.

Зато барон как-то особенно хитро усмехнулся.

Три холста от фон Альшванга Кнаге до поры прятал в кустах. Три холста от Анны-Маргариты подбросили ему в чулан, под тюфяк. Даже если малевать кое-как – и то уйдет немалое время. Да еще вопрос – где грунтовать и малевать? Куда спрятаться в чужой усадьбе с шестью холстами?

Кнаге отозвал в сторонку фон Алышванга и попросил помощи.

Тот даже не сразу понял, о чем речь, какая такая грунтовка. Кнаге растолковал ему, сколько времени сохнут холсты, и преподал кое-какие иные мудрости своего ремесла. Фон Алышванг задумался.

– В клетки это делать нельзя, – сказал он, – туда постоянно что-то приносят и три распяленных холста девки увидят...

Кнаге чуть было не брякнул «шесть».

– Они, конечно, не поймут, что это такое, но будут болтать, что господин что-то странное затеял с холстами, дойдет до Яна, будь он неладен, а Ян тут же донесет любезному дядюшке... – фон Алышванг поморщился. – Вот что. Бери все, что тебе нужно, и отправляйся на мельницу. Я пошлю сказать мельнику, чтобы он пустил тебя в сарай.

– Благодарю милостивого господина, – Кнаге низко поклонился.

– Но торопись. Время беспокойное. Тебе и самому лучше поскорее сделать это дело и убраться прочь из Курляндии, – посоветовал баронов племянник. – Дело идет к войне...

Рига, наши дни

Тоня была девушкой благоразумной. Она поехала к Белому озеру сперва автобусом, поскольку на автобус у нее был проездной, а на Югле вышла и поймала такси.

В поселке было беспокойно. У распахнутых ворот особняка Виркавса стояли люди, строили домыслы – как мог проникнуть на территорию убийца. Охранник у шлагбаума чужих мужчин и незнакомых пешеходов не впускал. Получалось, что со стороны озера. Но на берегу играли дети, сидели смотревшие за ними бабушки, никто постороннего не видел. Уж что-то, а посторонняя личность сразу была бы замечена.

Как убийца покинул поселок, уже все поняли. Он просто и незатейливо уехал на джипе Виркавса. Охранник, увидев знакомую машину, поднял шлагбаум, не приглядываясь к водителю. Джип уже был объявлен в розыск, но если убийца не потащился сдуру через всю Ригу, а помчался козьими тропами куда-нибудь в сторону Вангажи, и оттуда – в болотистую Сейскую волость, то машина уже давно и хорошо спрятана где-нибудь на дальнем хуторе, где ее и разберут на запчасти.

В особняке уже собрались жена и дети Виркавса. Тоня совершенно не хотела с ними встречаться. Она позвонила Полищуку, и он вышел к ней в холл.

– Что это было? – спросила Тоня.

– Задушили.

Тоне трудно было вообразить, каким должен быть убийца, чтобы справиться со здоровенным Виркавсом. И задавать вопросы ей совсем расхотелось.

– Это произошло во дворе. Точнее, на пороге гаража, – объяснил Полищук. – С улицы не видно, мешают кусты, но если стоять вплотную к воротам – то, пожалуй, было бы видно. Когда вы уехали?

– Он собирался выезжать сразу за нами... – пытаюсь вычислить время, начала Тоня.

– Вы никого не видели у забора? У ворот?

– Никого...

Тоня расстроилась – ей было жаль неопытного коллекционера, который всегда хорошо платил за консультации и угощал неожиданными лакомствами.

– Допустим. Потом преступник вошел в дом через гараж, – продолжал Полищук. – Его интересовали дорогие вещи и картины. Скажите, у Виркавса действительно было там, в коридоре, что-то ценное?

– Я ему находила интересные работы, кое-что сороковых годов, кое-что – пятидесятых, то есть картины, недавно попавшие в разряд антиквариата, – сказала Тоня. – Из ценных – у него был хороший эскиз Бакста, костюм арлекина, эскиз Серебряковой...

– Пойдем, посмотрим, что пропало в коридоре. Может быть, убийца приходил за конкретными картинами. Тогда это – под заказ.

Галерея оказалась нетронутой.

– А эти три гвоздя? – спросил Полищук.

– Тут были три работы тридцатых годов, неплохие, но на любителя. Виркавс обменял их на одну, предположительно – семнадцатого века.

– Ого! И где она?

– В гостиной.

Но в гостиной собралась осиротевшая семья, только что приехала супружеская пара – дальние родственники. Входить было неудобно. Тоня приоткрыла дверь, быстро заглянула, обвела взглядом помещение и отступила в холл.

– Ну, что?

– Она висела над диваном.

– А сейчас не висит?

– Нет... кажется... – Тоня полезла в сумочку за другими очками.

– «Кажется» или точно?

– Кажется, точно.

Полищук хмыкнул и достал блокнот.

– Что за картина, кто автор? – строго спросил он.

– Неподписная. То есть автора нет... То есть он, конечно есть, но это неизвестный автор... – Тоня и так чувствовала себя неловко, а голос, которым полагается вести допрос злодея, ее смутил окончательно.

– И что там нарисовано?

– Какой-то кошмар. Две женщины, полураздетые, на фоне сельского пейзажа, и впридачу «приап».

– Кто? Как вы сказали?

Тоня покраснела.

– Фигура такая каменная, очень неприличная... Но не в ней дело! Это все просто мазня! В семнадцатом веке тоже была мазня. То, что она сохранилась, не делает ее гениальной. Виркавсу... то есть покойному Виркавсу... то есть, когда он был жив, эта мазня вдруг понравилась. Он плохо разбирался в живописи, он просто хотел вложить в нее деньги, – объяснила Тоня. – А этот пейзаж с тетками – его самостоятельное приобретение... значит, такой у него был вкус...

– Но если пейзаж унесли – значит, он дорогой. Может, это заказная кража, – предположил Полищук. – У кого-то еще в наших краях плохой вкус.

– Да, наверное...

– Давно Виркавс купил этих теток? В смысле – много народу знало, что он приобрел картину семнадцатого века?

– Трудно сказать – он вообще был скрытным, но картинами мог похвастаться.

– Может, работа все-таки была ценной?

– С точки зрения искусствоведа – нет, – отрубила Тоня. – Вся ее ценность в том, что она старая.

– А откуда родом эта картина? Художник – кто? Француз, голландец, немец? Может, испанец?

Тоня задумалась.

– По-моему, один из тех мазил, которые в прошлом заменяли фотоаппараты. Жил в маленьком городишке, был единственным мазилой в округе, все ему заказывали фамильные портреты и даже не подозревали, какой это халтурщик... Вкусы у людей были примитивными, сравнивать – не с чем, вы понимаете...

– Понимаю.

– А сам пейзаж... Я бы сказала, что пейзаж – здешний. То есть Германия или Польша, или Прибалтика, что-то такое. Не южный, не французский. Мельница на заднем плане. Лес вдаль, дорога. И с композицией у мазилы проблемы – эту мельницу бы ближе к центру сдвинуть, сесть с мольбертом чуть иначе, и поворот дороги тоже! – ядовито заметила Тоня. – То есть как ни крути, а полотно – бездарное.

– Наверное, преступник решил – раз висит в гостинной, то ценности неимоверной, – Полищук усмехнулся. – Ну, бог с ним, с полотном. Вы потом сделаете это... рисунок, что ли... А опознать его сможете?

– Второго такого я в жизни своей не видела – и надеюсь, что больше не... увижу...

Пауза объяснялась просто – наконец Тоня вспомнила про кулдингскую копию.

Прежде чем рассказывать о ней, следовало посоветоваться с Хинценбергом. Мало ли какие планы созрели в его лысой голове? А одну вещь Тоня знала твердо: если работаешь в одной команде с серьезными людьми, то болтай поменьше. Первым делом нужно было мчаться к старому антиквару, который, насколько Тоня знала, совершил в жизни только одну ошибку – связался с Хмельницким. Хинценберг мог испортить молодому эксперту репутацию навеки...

– Хорошо. Начнем с другого конца, – предложил Полищук. – Откуда взялась эта картина? У кого покойник ее выменял?

Тоня подумала: это ему сможет сказать и вдова, когда немного придет в себя. Так что скрывать – нелепо.

– Он переписывался с каким-то коллекционером из Канады. Картину привез курьер – в Канаду он повез три латвийские работы, а обратно – эту. Неплохие работы, тридцатых годов...

– Как зовут канадца – знаете?

– Кажется... вспомнила! Батлер. Ральф Батлер.

– Все-то вам кажется... – недовольно сказал Полищук. – Это его настоящее имя?

– То есть как?!

– Просто. Живет в Канаде человек. Интересуется местными художниками тридцатых годов. А в коллекции у него – пейзаж, пусть и плохой, но вроде бы тоже здешней работы – если я вас правильно понял. Угадайте с трех раз – что это за ностальгический коллекционер?

– Столько не живут.

– Живут.

И Тоня, и Полищук имели в виду старика, по происхождению – латыша, который в годы Второй мировой воевал на стороне нацистов, почему и был вынужден в сорок четвертом удирать без оглядки, прихватив награбленное. Такой гипотетический старик мог быть, допустим, двадцать пятого или чуть раньше, года рождения – значит, ему под девяносто. Почему бы и нет – климат в Канаде здоровый, медицина качественная...

– Если у него и есть другое имя, я про это ничего не знаю, – сказала Тоня. – Может, госпожа Виркава знает?

– Это было бы логично – так могло бы объясниться их знакомство... – задумчиво ответил Полищук.

– А они не могли познакомиться просто в Интернете?

– Попробую выяснить. Итак – вы последняя видели живым покойника.

Тоню от этих слов даже передернуло.

– Вы приехали к нему в связи с коллекцией? – невозмутимо продолжал Полищук.

– В связи с подсветкой. Он по моему совету сделал у себя верхнюю и нижнюю подсветку для картин, я хотела убедиться, что там все в порядке. Потом мы пили китайский чай... – Тоня замолчала, припоминая, как там получилось с чаем. Саша отказался, Виркава принес две чашки – они, кажется, так и остались на журнальном столике...

– Потом?

– Ему кто-то позвонил, хотел с ним встретиться. Виркавс отказал, очень резко. Я впервые слышала, чтобы он так с кем-то говорил. Потом он как-то вдруг собрался уезжать. Вот и все. Я уехала, он остался, но он уже был готов уезжать... ему осталось вывести машину из гаража...

Тоня понимала, что нужно рассказать про Сашу: все-таки он тоже – свидетель последних минут жизни Виркавса. Но как-то так само собой обходилось без Саши, Полищук не догадался спросить, на чем Тоня уехала из поселка, и она промолчала.

– Отчего Виркавс не подвез вас? – спросил Полищук.

– Ну... Он не предложил, – честно призналась Тоня. Больше всего на свете она сейчас хотела в «Вольдемар», к Хинценбергу, чтобы все ему рассказать – и сбросить с души камень. Хинценберг умный, как он скажет – так она и будет делать. Главное – не поссориться с ним, остальное – неважно, и Виркавса с того света все равно не вернешь.

– Кто бы это мог ему звонить? – Полищук смотрел на Тоню очень внимательно.

– Откуда мне знать? Но не деловой партнер. С ними он так никогда не разговаривает. Этот человек сразу сказал Виркавсу что-то неприятное, и он завелся...

– Ни словечка не расслышали?

– Нет.

Полищук еще два раза попытался узнать про Батлера и про загадочный звонок. Но Тоня рассказала все, что знала. Следовательно пришлось отпустить ее, и он даже был так любезен, что нашел ей попутную машину – его коллега возвращался в город.

Теперь Тоня не сэкономила сантименты. Ее довезли до Тейки, а оттуда она взяла такси и ворвалась в «Вольдемар» в последнюю минуту – старый антиквар уже собирался уходить.

– Что мы имеем с птицы гусь? – спросил Хинценберг. – Мы имеем похищение работы, которая не так проста, как показалась мне, старому маразматiku. Деточка, ты современная леди, садись за компьютер и ищи по всей Канаде коллекционера Ральфа Батлера.

Через четверть часа Тоня доложила – Ральфов Батлеров никак не меньше тысячи, коллекционеров среди них не обнаружено. То есть это псевдоним для контактов в Интернете – других вариантов на ум не приходит.

– Надо найти курьера, – сказал антиквар.

– Да – а как? Его телефон остался в мобильнике у Виркавса, наверное, а мобильник унесли. И в почтовик к Виркавсу меня никто не пустит – с его ноутбуком уже работают сыщики... Ой, я, кажется, знаю!

– Что ты знаешь, деточка?

– Этот курьер вез не только картины, но еще породистых кошек. Оцелотов?..

– Ничего себе породистая кошка! Деточка, сними с полки вон ту книжечку, только осторожно, не урони... она весит не меньше килограмма... А теперь поищи там оцелота.

– Это же леопард... – глядя на картинку, растерянно сказала Тоня.

– Вот именно. Вряд ли такую зверюгу впустили в самолет.

– Но Виркавс сказал – породистые кошки.

– Может, не оцелот? Может, что-то другое? Похожее? – предположил Хинценберг.

– Я позвоню Кристинке, она помешана на кошках. У нее их штук пять или шесть, – в голосе Тони было недоумение пополам с легким презрением. Она не понимала, как можно держать в собственном доме такой вонючий зверинец. Видимо, кошки были виноваты, что Кристинка в двадцать четыре года еще не вышла замуж – так считала Тоня, забыв про свои двадцать шесть.

– Звони, деточка, – сказал Хинценберг. – Мне тоже интересно.

– Может, оцикет? – спросила Кристинка. – Есть такая порода! Они пятнистые, как маленькие леопарды. У нас их пока не разводят, но что привезли котят из Канады – это похоже на правду. Я узнаю...

– Спроси ее – как она думает, кому понадобились эти котята? – подсказал Хинценберг, а Тоня повторила вопрос.

– У нас в субботу выставка на Кипсале, я могу спросить. Мы там будем с Келли и Кер-тисом.

– С кем?

– Это мои бриташки. Братик и сестричка.

– А ты бы, деточка, сходила со своим мальчиком на кошачью выставку, – посоветовал Хинценберг, когда Тоня простилась с Кристиной. – На месте бы все и разузнала. Кстати... ты Саше пока ничего не говори. Вообще ничего. Скажи – работа пока побудет у меня, я ее кое-кому покажу. Он ведь хороший мальчик, он будет беспокоиться. Скажи – мы кулдингскую даму не обидим. Потом, может быть, даже возьмем у нее этот неприличный пейзаж. И больше ничего не говори.

Это был приказ.

Тоня все понимала. Хитрый старый антиквар сообразил, что картина – с подозрительной и любопытной историей. Даже если это дурная копия работы не менее скверной, но имеющей занятную биографию, ее судьба может сложиться очень даже неплохо. Главное – узнать, что такое прислал Батлер Виркавсу в обмен на два приличных пейзажа и один натюрморт тридцатых годов.

И догадаться, какие тайны скрывает надпись на «приапе»...

– Деточка, почему ты не носишь золота? – вдруг спросил Хинценберг.

– Наверное, потому, что у меня его нет.

– Я смотрю, у тебя серебряные колечки. Это для маленьких девочек, а ты уже скоро будешь замужней дамой. Дай-ка я сделаю тебе подарочек. Вот, принесли сегодня, велел Ирене взять, как чувствовал – пригодится. Совсем маленький изумрудик, но очень симпатичный. И пусть с моей легкой руки у тебя дома золото не переводится!

Своим подарком антиквар сильно озадачил эксперта.

У Тони было обостренное чувство художественного вкуса. Серебряные кольца, цепочка с медальоном (увы, пустым) и браслет были тщательно подобраны. А к золоту придется подбирать новые украшения, причем дорогие. И не носить кольцо нельзя – Хинценберг обидится.

– Ты можешь купить к изумруду что-нибудь нефритовое, – посоветовал антиквар. – Да что тебя учить, ты умница. Если бы еще Саша уговорил тебя носить юбки! У тебя такие замечательные ножки, прямо фарфоровые! А ты носишь эти страшные штаны. Хочешь, дам тебе пару тысяч в кредит, чтобы ты оделась солидно? Ты все-таки представляешь «Вольдемар. Мало ли куда ехать придется? А что, полицейские тебя спрашивали про «Вольдемар»?

– Почему они должны были спрашивать?

Тоня рассказала, как объяснила свой визит к Виркавсу.

– Это очень хорошо, деточка. Умница! А этот следователь, как его?..

– Полищук.

– Что он за человек?

– Ну, обычный человек... Никакой, – определила Полищука Тоня.

– Каких он лет?

– Ему за тридцать. Может быть, уже сорок. Лицо обычное, глаза... глаза глубоко посажены... что еще? Рост – как у Саши.

– Совсем не произвел впечатления? – усмехнулся Хинценберг.

– Мне было не до впечатлений, господин Хинценберг.

– Еще бы. Не каждый день клиента убивают. Ну-ка, что у него там в галерее? После похорон можно будет потолковать с вдовой, найти покупателей, если ей это добро не требуется, а деньги нужны. Садись, записывай...

Отдав Хинценбергу список работ, Тоня позвонила Саше.

– Я освободилась, – сказала она.

– А я – нет. Меня Петракей опять припахал. Перевод ему срочно нужен. Ты насчет рамы договоришься?

– Насчет рамы? – Тоня вспомнила, как стояла в мастерской на улице Блауманя, как звонила оттуда Виркавсу. И осознала: Саша же еще не в курсе! Он понятия не имеет, что она вернулась к Белому озеру!..

Тоня задумалась: говорить или нет?

Ее отношение к Саше было отчасти материнским. Стройный, красивый, добрый и внимательный парень, не сумевший найти себе места в жизни и подвернувшийся под руку солидному человеку Петракею, выполняющий разнообразные, но какие-то несерьезные поручения; человек милый, но какой-то невзрослый... и так приятно было после нежности укладывать его голову себе на плечо...

Он должен был стать хорошим, ласковым, уживчивым мужем. Это она поняла сразу. Между Тоней и Сашей натянулись незримые ниточки взаимопонимания – она тоже была спокойна, покладиста, готова выслушать и понять. Что еще нужно?

– Договорилась, конечно. Слушай, я тут на кошачью выставку собралась. Не хочешь?

– Ты – на кошачью?

– А что?

– Ты же их не любишь.

– Вдруг захотелось. Кошки все-таки эстетичны. Давай, а?

– Это когда?

– Это в субботу.

– Ну... как карта ляжет...

Ему не хотелось. И ей без него не хотелось. Но Хинценберг просил об услуге. И она в конце концов не стала ссориться с Сашей из-за кошек и поехала на Кипсалу одна.

Кипсальский выставочный зал был огромен, но котоводы заняли только один его конец. За столами с клетками было что-то вроде кафешки – с картонными стаканчиками и тарелками, с дешевыми и сомнительными пирожками, с кофе, который не внушал доверия. Столики оккупировали мамы с малышами – почему малышей в таком количестве приводят туда, где они сразу начнут ныть и голосить «мама-купи-котика», Тоня не понимала. Она отыскала Кристинку, похвалила ее кругломордых бархатных бриташек, завела речь о породах, вспомнила про оцикетов, спросила, где их можно увидеть.

– Мы думали, Шишкин их покажет. Вон, в третьем ряду, видишь? Вон тот дядька в желтом джемпере – Шишкин. А он только мейн-кунов на этот раз привез. Говорит – детки еще не пришли в себя после самолета.

– Других оцикетов в Риге нет?

– Так я ж тебе говорила – он поэтому и купил их в Канаде за бешеные деньги, и курьеру заплатил. Будет единственным у нас заводчиком оцикетов, – сказала Кристина. – Курьеру не позавидуешь – весь полет держать на коленях переноску, а там ведь десять часов лету. И таможеню с котятами проходить...

– Курьер, наверное, тоже кошатник.

– Нет, Шишкин где-то девочку нашел, которая по своим делам летела в Канаду на неделю. С женихом, что ли, знакомиться. Мне кажется, я ее знаю, мы у Жанны как-то вроде пересекались. Она мне классную стрижку сделала – ни в одной парикмахерской так не постригут, и совсем дешево, за десятку. А сейчас вот пятнадцать отдала. Посмотри – ну, как?

Высокая фигуристая Кристинка повернулась так и этак, чтобы Тоня оценила игру красиво лежащихся прядок.

– Классно, – подтвердила Тоня. – Но тебе с длинными было лучше.

– Надоели... Знаешь, с ними слишком много плохого было связано. Вот я от них и избавилась. Это магия такая. И мне по гороскопу пора было стричься. А ты чем занимаешься?

– Всякой ерундой, – честно сказала Тоня. – Помнишь Сашу?

– Да-а... И что?

Тоня не заметила, что подружка нахмурилась и даже напряглась. Она играла с кошечкой, просовывая сквозь прутья клетки петлю из ремешка от сумки.

– Его боссу нужна картина для подарка. Мы в «Вольдемар» нашли подходящую, я раму заказала. На следующей неделе босс ее в Москву повезет. Там у кого-то из его старых друзей тринадцатого августа юбилей, – сказала она рассеянно, дергая за ремешок.

– Ясно.

Они еще вспомнили общих знакомых, Тоня сказала комплимент британкам, прогулялась вдоль клеток – действительно, маленьких пятнистых леопардов не было, – и с чувством выполненного долга сбежала с выставки.

Жанна была девушкой со сложной судьбой. Тоня познакомилась с ней в академии – Жанну занесло в натурщицы. Одновременно она увлекалась фотографией, ходила на какие-то психотренинги, играла на варгане, преподавала в школе моделей «дефиле», а в конце концов оказалась барменшей в кафе. Кафе было в Старой Риге, от Кипсальского выставочного зала – одна остановка на автобусе или троллейбусе. Тоня, поскольку до встречи с Сашей оставалось около двух часов, поехала к Жанне.

Та скучала за стойкой, накрашенная убийственно и даже, кажется, в накладных ресницах.

– Это ты про Лолитку, что ли? Точно, она. Хвасталась, что за неделю все успела – и с женихом познакомиться, и за котами съездить, и одни картины отдать, другие забрать, – сказала Жанна. – Жених, правда, дерьмовый оказался – во-первых, толстый, во-вторых, он там, оказывается, с какой-то сучкой живет, она сразу прибежала разбираться. Но Лолитке дорогу оплатили, так что она не очень расстраивается.

– Дай мне ее телефон. Хочу наконец подстричься по-человечески.

– Записывай.

Проболтав с Жанной полчаса, благо ни один турист не заглянул в кафе, Тоня вышла и позвонила Хинценбергу. Он был занят, беседовал с клиентом, попросил зайти в «Вольдемар». Идти было всего-ничего, меньше трех минут. А вот ждать, пока клиент уйдет, пришлось четверть часа. Тоня бродила по торговому залу, разглядывала серебро в стеклянной тумбе. Как и следовало ожидать, покупателей на него не нашлось. Мрачные художества Цирулиса тоже висели на стене. Но прибавилась очень живая акварелька – букет фиалок в вазочке. Эта акварелька могла уйти очень быстро.

Потом Хинценберг выпроводил клиента и впустил Тоню. Она рассказала про кошачью выставку и курьера Лолиту.

– Я попробую узнать у нее про Батлера.

– Умница, деточка! Расходы я оплачу.

– Мне нужно десять латов, – прямо сказала Тоня, решив, что у Хинценберга не убудет, если он даст денег на стрижку.

Старый антиквар расхохотался.

– Деточка, ты просто ангелочек. Десять латов! Какая прелесть – десять латов! Никогда так никому не говори. Мне можно – я дедушка. Но мужчины должны знать, что ты – дорогая женщина.

– Какая из меня дорогая женщина? – Тоня вздохнула. – Я ведь только у вас начала нормально зарабатывать...

– Это еще не нормально. погоди, вот посватаюсь я к тебе, поженимся – и ты узнаешь, что такое настоящие деньги.

Тоня уставилась на Хинценберга, причем недоумение в ее взгляде очень быстро сменилось негодованием. Антиквару было за восемьдесят – самый возраст для сватовства! И ведь он не шутил – точнее, как говорила старшая Тонина сестра, в каждой шутке есть доля шутки...

– Я подожду, деточка. Подожду, пока ты не поймешь, что красивый мальчик не знает цены твоим фарфоровым ножкам. Вот десять латов. Постарайся в понедельник узнать про мистера Батлера.

В комнате кроме прочего добра были и старинные зеркала. Одно стояло на полу, так что Тоня, проходя, нарочно взглянула на свои ноги. Пожалуй, комплимент был заслуженным – ее светлую кожу не брал загар, Тоня уже не пыталась добиться модной смуглоты, и ноги были – почти как у французской статуэтки, с точеным подъемом, с тонкой щиколоткой; ноги Дианы-охотницы, как сказали бы знатоки благородных и утонченных линий.

Она не была высокого мнения о своей внешности и приписывала достоинства разве что матушке-природе: невысокая складная фигурка – попросту узкокостная, круглое лицо – фамильное, у сестры такое же, легкая походка – но какой же еще быть при сорока шести килограммах веса? И со зрением беда была фамильная, только сестра носила линзы, а Тоня никак не могла отказаться от трех пар очков. И одни были даже очками-маской – большие, круглые, словно бы вслух говорящие: не обращайтесь на меня внимания, ребята, я скучная девочка-очкарик, проходите мимо.

Тоня вышла в торговый зал и увидела двух старичков-туристов. Они разглядывали акварель Цирулиса и тихо совещались. Очень удивившись вкусу этих опрятных загорелых старичков, Тоня вышла на улицу. Теперь следовало позвонить Саше – может, есть шанс вечером съездить на Юглу к его мамочке.

Она не говорила об этом, но Саша сам догадался пригласить. И Тоня провела вечер очень мило, по-семейному, за приятными для всякой девушки разговорами о свадебном ресторане, свадебных гостях, свадебном меню, свадебном платье. Решили и вопрос с венчанием. Тоня, как всякая разумная девушка, хотела выйти замуж раз и навсегда. Саша, собственно, тоже – только у него все еще оставалась потребность в других вариантах, мало ли что – вдруг опять случится роковая любовь, так чтобы хоть проблемы развенчивания не стояло. Он и понимал, что вторая роковая любовь ему совершенно не нужна, если замаячит на горизонте – нужно бежать от нее подальше, и хотел сохранить для себя крошечную возможность все переиграть. Умная Сашина мама все поняла и на кухне, когда они с Тоней вдвоем мыли посуду, сказала будущей невестке:

– Ничего, уломаем! Сам потом спасибо скажет!

Тоня согласилась.

Теперь нужно было перезнакомить между собой всех родителей, Тонину старшую сестру с мужем и детьми, Сашиного младшего брата – с невестой, еще каких-то дядюшек и тетюшек, словом – подготовиться к свадьбе по-человечески. Была, правда, одна закавыка – Сашин родной папа, который уже лет десять не появлялся, не звонил и интереса к сыну не проявлял. Теоретически следовало его пригласить, а практически – еще пойдй поймай этого папу! После развода с Сашинной мамой он фигурировал в семейном обиходе только в виде алиментов, а звонил раза четыре и водить ребенка по выходным в зоопарк тоже не хотел. Сашина мама довольно скоро нашла Саше хорошего отчима и даже была рада такому поведению законного папочки. Вот за что следовало его поблагодарить – он в ее новой семье никаких проблем не создавал.

Потом Тоня и Саша поехали домой.

Они решили, что для одного вечера общения с родителями достаточно, и Тонину семью оставили на будущее.

– Ты рада? – спросил Саша.

– Конечно, рада, – ответила Тоня.

Все в жизни устроилось, о лучшем она не могла и мечтать.

Глава четвертая

Курляндия, 1658 год

Кнаге смотрел на плоды трудов своих и хохотал во всю глотку. Перед ним висели на стене сарая три картины с тремя «приапами», и вид этих дурацких фигур, троих в ряд, привел живописца в некое развеселое безумие.

Кнаге, конечно же, был заурядным мазилой-недоучкой. Мазилой, но не дураком, и на все смешное сразу же отзывался; не было еще случая, чтобы при нем рассказывали потешную историйку, а он не понял, в чем изюминка. Да и нельзя при бродячем образе жизни смотреть на мир серьезно. Этак и спятить недолго.

Другие шесть работ такого хохота не вызывали. Они были совершенно обычными.

Кнаге знал про себя, что ему просто в жизни не очень повезло. Тот, кто бродит по маленьким городишкам и не может приткнуться к мастерской известного живописца, тот настоящего мастерства не наживет. А вот если бы как-то так исхитриться дойти до Амстердама, где трудится Рембрандт ван Рейн, и попроситься к нему в ученики... Говорили, что учеников у него теперь до прискорбного мало, а ведь он-то и мог бы сделать из Кнаге настоящего живописца. Если бы только удалось заработать денег, чтобы посвятить несколько лет учебе и не думать о заказах. Сейчас, набегавшись вволю, Кнаге очень хорошо понимал, каким должно быть учение.

Раз уж тот мастер, что создал портрет из спальни фон Нейланда, мертв, то лучше всего было бы идти в Амстердам, – так думал Кнаге, глядя на троих «приапов». Там можно из провинциального мазила стать художником. Там можно обратить на себя внимание богатых заказчиков. Даже если просто наймешься в мастерскую к Говарду Флинку или Фердинанду Боу, которых амстердамцы любят, будешь дорисовывать не законченные мастером руки или кружева, или пейзажики на заднем плане, а то и позировать, сидя без штанов на старом стуле и изображая Зевса-громовержца на облаке, – тоже для начала неплохо. Даже разрезать холсты, натягивать их на раму, готовить подставки, растирать краски, цедить масло, а также смахивать пыль с кресел, в которых будут позировать бюргеры для своих портретов. Зато потом... о, потом!..

Голландцы знают толк в живописи. Это не бюргеры из германских городишек и не курляндские бюргеры. Голландцы одной своей придиричивостью воспитают из мазила-разгильдяя настоящего мастера. А потом можно будет и в Курляндию вернуться – по личному приглашению герцога Якоба; вернуться мастером, который берет за свои работы сотни талеров, и то еще не у всякого желающего. Вот тогда можно будет написать настоящий портрет Марии-Сусанны, даже если она к тому времени выйдет замуж и нарожает детей. И она поймет... она все поймет...

Кнаге потрогал пальцем край холста. Лак схватился. Работу можно было считать завершенной. Теперь следовало все это добро раздать, не перепутав, владельцам. Оригиналы, выполненные, как полагал Кнаге, совсем неплохо, – фон Нейланду. Три более или менее пристойные копии – фон Альшвангу, чтобы баронов племянник хоть видел, за что деньги платит. Три копии похуже – Анне-Маргарите, с нее и такие сойдут; это полностью соответствовало ее подвигам в постели.

На всех трех «приапах» были словно бы поврежденные временем, но с легким усилием читаемые буквы «EDBCIC».

Разумеется, Кнаге ломал голову над их тайным смыслом. Но ничего придумать не мог – кроме разве что инициалов дам, памятных старому фон Нейланду своими шалостями под одеялом. Эрна – Доротея – Беата – Цецилия – Ирмагд – еще одна Цецилия...

В сарае у мельника было всякое добро, в том числе и курляндские сани с вырезанным по обожженному дереву сложным узором, сделанные без единого железного гвоздя и постав-

ленные дыбом, чтобы занимали поменьше места. В августе они еще никому не были нужны. Кнаге подобрался к саням и спрятал за них шесть творений, а три, переложив чистыми кусками холста, понес в усадьбу.

Фон Нейланд принял его в спальне, служившей заодно кабинетом. Барон вернулся из поездки к соседу, был еще в высоких сапогах, еще лохмат после быстрой скачки.

– Очень хорошо, парень... Именно этого я и желал... – фон Нейланд открыл одну из двух шкатулок, в которых обычно лежали деньги на мелкие расходы и золотые безделушки. – Сейчас ты соберешь свое имущество и пойдешь прочь, но я дам тебе еще одно небольшое поручение. Тебе ведь все равно, куда шагать?

– Ходят слухи, что шведы двинут сюда из Риги свое войско. Так что мне бы не хотелось очутиться на поле боя, – честно признался Кнаге.

– Поля боя не будет. Будут безобразия и грабежи. Придется отправить Марию-Сусанну в Польшу, там у меня друзья и родня. На мою любезную племянницу никто не покусится, если покусится – пусть сам от нее спасается, а девочку могут обидеть. Я советую тебе идти сперва в сторону Либавы. Если шведы захотят добраться до герцога – у него не хватит ума ускакать с семьей в Либаву и оттуда уходить морем, он попытается бежать из своей любезной Виндавской гавани, в которую столько денег вложено. Там-то его и возьмут голыми руками... Так вот, ты пойдешь к Либаве. Там ты найдешь в порту хозяина канатной мастерской Ганса Штадена и передашь ему вот это письмо. Он надежный человек, ну да и я позаботился, чтобы у его честности было поменьше соблазнов. Кстати, он мог бы посадить тебя на хорошее надежное судно, чтобы ты благополучно добрался хоть до Любека.

В Любеке живописцу было решительно нечего делать. Там своих мазил хватало. Кнаге сперва связывал надежды с Курляндией, и Курляндия его уже более двух лет кормила и поила – не так хорошо, как хотелось бы, но и жаловаться грех – порой в руки попадали неплохие деньги. Нелепая история с фон Брейткопфом была за эти годы всего лишь третьей. Потом впереди замаячил великолепный Амстердам. Но Любек? Хотя из Любека до Амстердама ближе, чем из любого курляндского города. Можно даже добираться водой, сперва по старому каналу под названием Штекниц, потом по каким-нибудь другим каналам, где ходят баржи. На баржу возьмут и даже не слишком дорого сдерут за провоз.

Фон Нейланд прав – начнутся безобразия и грабежи, здешним жителям все равно будет не до картин.

– И в сторону Либавы тебя бы подбросил мой арендатор. Хоть полторы мили – а все подошвы целее будут, – добавил фон Нейланд. – Так что собирайся.

Тут лишь до Кнаге дошло – барон хочет как можно скорее избавиться от живописца.

За работу фон Нейланд расплатился красиво – серебряными шестигрошевыми, а мог бы отсыпать медных шиллингов, которые чеканились в Курляндии по образцу польских шелягов. Серебро – оно и в Мавритании серебро.

– Когда поедет арендатор господина барона? – спросил Кнаге.

– Завтра утром, выедет еще затемно, так что укладывай свои мешки, парень. Я скажу сестре, пусть прикажет собрать тебе в дорогу хлеб, сыр и копченое мясо. И пошлю к нему мальчишку – чтобы забрал тебя от ворот усадьбы. Вот письмо, сунь за пазуху, да чтобы никто не видел. А теперь ступай.

Из спальни фон Нейланд вышел первым, Кнаге задержался ради прощального взгляда на портрет. Непостижимым образом были в его голове связаны этот портрет и Мария-Сусанна: одна на двоих у них была высокомерная чистота молодости, одно на двоих – выражение лица человека, который прислушивается к шепоту своей души.

Потом Кнаге поспешил на поиски фон Альшванга и нашел господина племянника за скотным двором, на капустном огороде. Причем нашел по шуму – фон Альшванг в ожидании

неприятностей пристреливал пистолеты и карабины. Вместо мишени в грядку воткнули старую лопату, но и по ней он в тридцати шагах мазал.

Зато он откопал где-то старую кирасу, которая была ему маловата, зато на боку у него была шпага с преогромным эфесом и на широкой старинной перевязи из буйволово́й кожи, зато на ногах вместо разношенных туфель – высокие и довольно узкие сапоги с раструбами, в раструбах – пожелтевшее от старости кружево. Вид у племянника был боевой, даже грозный. Всякий сразу мог понять: вот благородный господин, который и близко к себе не подпустит презренных шведов.

– Отлично, – сказал фон Альшванг. – Я пришло, когда стемнеет, своего Фрица на мельницу, будь там.

– То есть господин даст Фрицу девять шестигрошевых для меня? – уточнил Кнаге.

– Девять?! Да ты с ума сошел!

– Срядились – вдвое меньше, чем заплатит господин барон. Это и будет девять, с позволения вашей милости, – доложил Кнаге, понимая, что племянник не побежит к дядюшке с вопросами.

– Чтоб ты околел...

Даже не пытаясь оспаривать это пожелание, Кнаге пошел искать Анну-Маргариту. Госпожа племянница сидела в гостиной с фрейлен фон Нейланд и господином фон Бок. Дамы рукодельничали, фон Бок курил длинную трубку и забавлял их. Кнаге, приоткрыв дверь, поймал взгляд Анны-Маргариты и подождал ее в узком коридоре.

– Госпожа может прислать кого-нибудь за копиями, – прошептал Кнаге. – И остатки холста я тоже отдам.

– Забери себе, – милостиво позволила Анна-Маргарита. – Куда мне прислать Марту? Он объяснил.

– Завтра на рассвете я уйду, – сказал он.

– Это хорошо. Счастливого пути, – холодно отвечала она.

Холст в дороге всегда пригодится, подумал Кнаге, даже скверный. Любопытно, сколько он пролежал в сундуке, раз появились такие неистребимые сгибы. И так, и сяк пришлось изворачиваться, чтобы получились пригодные для работы три куска.

При мысли, что Анна-Маргарита получит кое-как сделанные копии, когда мазила будет уже далеко, Кнаге фыркнул. Это его немного утешало.

Он засиделся в усадьбе, дорога уже казалась райским блаженством. Вот только Мария-Сусанна...

Девушка могла остаться в памяти надолго, хотя ни разу на бедного живописца не поглядела. Однако он понимал – гордость у нее происходит от чистоты. Уж эта девица не побежит ночью в чулан к какому-то бродяге. Сама мысль расплатиться за услугу телом никогда не придет в ее красивую пышноволосую головку.

И даже невозможно вообразить, что эта девица возьмет в руки картину с «приапом».

А ведь ее лицо возникнет перед глазами в один прекрасный день, когда будет свой угол в мастерской и нужное количество времени. Пусть живет портрет – не для продажи, не для денег, а чтобы на старости лет посмотреть и сказать самому себе: этот бродяга Кнаге кое-что в жизни сделал хорошего, кое-какое мастерство явил миру!

Вздыхнув о несбыточном, Кнаге отправился укладывать свои вещички. Фон Нейланд ему понравился, и Кнаге решил в точности выполнить бароновы распоряжения: доставить письмо канатному мастеру, сесть на торговый флейт герцога Курляндского и уплыть подальше от Либавы. В самом деле, пора бы уже покончить со странствиями, и если не сразу в Амстердам примчаться – то на год-другой осесть в приличном голландском городишке, освоить язык, попроситься в цех – хотя бы вывески малевать или резьбу на стульях золотить, послужить в подмастерьях, если вдруг повезет и кто-то из цеховых мастеров помрет – жениться на вдове

этого почтенного мастера... а не перебиваться милостями скотниц и шалостями почтенных дам... Или все же – сразу в Амстердам, невзирая ни на что?..

И то, и другое было бы разумным, очень разумным. Конечно, сперва сердце затоскует. Но, может, удастся прижиться на одном месте?

Рига, наши дни

Тоня созвонилась с Лолитой и поехала к ней в гости.

По дороге она думала о причудах времени. Тонина мама не понимала, что творится: она с детства знала, что девушка должна окончить школу, потом – техникум или институт, получить образование, устроиться на работу, выйти замуж (именно в такой последовательности), родить двоих детей и однажды уйти на пенсию с одной-единственной записью в трудовой книжке «принята тогда-то и туда-то». А нынешние девицы могли, не окончив даже школу, умчаться куда-то на заработки, вернуться, сесть на шею какому-нибудь мужчине и вести его хозяйство, одновременно выращивая на продажу декоративных крыс; потом бросить мужчину и поступить на курсы маникюра и педикюра; потом вдруг открыть в себе вокальный талант и петь по вечерам в ресторане; забеременеть непонятно от кого и с радостью родить ребенка; влюбиться по Интернету в норвежца и вместе с ребенком уехать к нему навсегда, совершенно не беспокоясь о трудовом стаже...

Лолита была в той стадии, когда много чего перепробовано и требуется жених. Желательно за границей. О латвийских мужчинах она была очень невысокого мнения. Возможно, и они о ней – тоже. Лолита придумала себе стиль и держалась за него уже лет семь по меньшей мере. А мужчины очень хорошо отличают хорошенькую свеженькую девочку, которая играет в деву-воительницу с распущенными волосами и стальным взглядом, с повадками киношной каратистки, от молодой женщины, которая заигралась неведомо во что. Можно спрятать даже широкие бедра, а вот начавшее обвисать лицо и мимические морщины не спрячешь.

История с канадцем Лолиту развлекала – за чужой счет полететь через океан, везти с собой кучу старых картин, разбираться с высоким, красивым и совершенно безвольным парнем, который только в переписке изображал из себя мужчину, обратно тащить переноску с орущими маленькими оцикетками и упакованную в какие-то тряпки картину: приключение, да еще какое! Во всяком случае, будет что рассказывать подружкам – а неприятный осадок от встречи с толстой, коротко стриженной и горластой канадкой смоемся, как известно что в унитазе.

Тонин звонок был очень кстати – Лолита последние деньги за курьерские услуги потратила на новый мобильник, и десять латов были совсем не лишними. Когда девушка умеет играть в бильярд и в покер, шить игрушечных зайцев, водить машину и делать эксклюзивный мэйк-ап, то у нее мало охоты устраиваться на скучную работу, и потому часто случаются прорехи в кошельке. Этого Тонина мама тоже, хоть убей, не могла понять.

Лолита помыла Тоне голову, усадила клиентку перед зеркалом и стала ей рассказывать про канадские похождения. Главным словом в ее монологе было, разумеется, «козел». Тоня терпеливо выслушала и про козла, и про сучку, а потом стала задавать свои вопросы. Они Лолиту не удивили – она знала, где работает Тоня.

– Ну что о нем сказать? Лет ему за полтинник. Толстый дядька, английский у него родной... что еще?.. Мы ведь с ним особенно не говорили. Он мне выдал картину в тряпках, идиот... Мне же ее в аэропорту разворачивать пришлось!

– В каких тряпках?

– В каких-то непонятных! Мне таможенник говорит – разверните. Ну и правильно говорит! Должен же он убедиться, что она соответствует документам. А там все на скотче держится! Я стала дергать, все слиплось в ком! Надо было не брать картину, пока он ее по-человечески не упакует. Хорошо, парень рядом стоял, он мне помог. Представляешь, у него в барсетке был рулон скотча! Ну, я понимаю, когда у Жанки замочек от молнии на сапогах сломался, она с

собой плоскогубцы носила... Не наклоняйся! Ну, или этот чудик Вася с собой крысу носил... крыса – это прикольно... Слушай, куда уши будем открывать? А у этого – скотч, да еще широкий рулон! Потом, в салоне, он поменялся, мы рядом сидели. Ну, думаю, канадского козла мне добрый Боженька не дает – вот, говорит, тебе кое-что получше на замену!

И Lolita стала рассказывать про парня со скотчем.

Тоня умела слушать и соглашаться. Но не полчаса же подряд! Она опять стала допытываться насчет Ральфа Батлера.

– Нам его нужно в картотеку внести, – наконец догадалась соврать она. – Если он коллекционер – то мы должны про него знать. Тем более – если у него там семнадцатый век.

Никакой картотеки коллекционеров у Хинценберга, естественно, не было.

– Так вы бы у Виркавса спросили, это он с Батлером в Инете познакомился. Он же вывел там где-то всю свою галерею, а Батлер ему написал.

Тоня удивилась – про эти подвиги покойного она не знала. Отчего-то Виркавс не считал нужным рассказывать ей про интернетные проказы. Он не производил впечатления человека, которому обязательно нужно похвастаться галереей перед анонимными комментаторами, но чужая душа, как известно, те еще потемки, а Тоня не очень-то приглядывалась к клиенту. Платил за услуги – вот и замечательно.

Дав Тоне в руки фен, Lolita включила ноутбук.

– Вот, смотри! – она вытащила на монитор фотографию. – Это он и есть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.